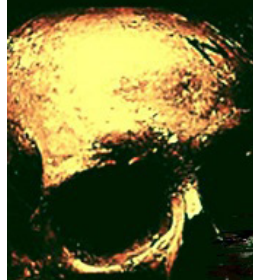

ДЕМ МИХАЙЛОВ

НАЗШИМ

6

Дем Михайлов
Низший 6
Серия «Низший», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57102653
Низший 6:

Аннотация

«Прижавшись к стене, я наблюдал за их сексом.

Страстным, нежным, долгим, проникновенным, горячим и влажным.

Удивительно... после сорока лет в браке – и такой секс.

Разве с годами эта забава с одним и тем партнером не должна наскучить? А тут спустя сорок лет – и такой секс. Правда обнаженная грудастая наездница ничуть не выглядела на свои почти семьдесят. Вовсе нет...»

Содержание

Пролог	4
Глава первая	15
Глава вторая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Дем Михайлов

Низший 6

Пролог

Прижавшись к стене, я наблюдал за их сексом.

Страстным, нежным, долгим, проникновенным, горячим и влажным.

Удивительно... после сорока лет в браке – и такой секс.

Разве с годами эта забава с одним и тем партнером не должна наскучить? А тут спустя сорок лет – и такой секс. Правда обнаженная грудастая наездница ничуть не выглядела на свои почти семьдесят. Вовсе нет. Отлично выглядящая тридцатилетка не забывающая о регулярном фитнесе и тщательно контролирующая все, что попадает ей в рот. Я много знал о ней и о ее странноватых привычках. Не берет в рот ничего мясного – ну не считая постельных утех с любимым мужем – но при этом не брезгует морепродуктами, изредка позволяет себе натуральный овечий творог...

Испустив пронзительный крик, она выгнулась колесом и, не удержавшись, упала на смятые мокрые простыни. Немного сладких конвульсий и она наконец-то замерла. А он не двигался. Он и не мог.

Дав им пару минут, чтобы прийти в себя, я чуть повел

рукой и дважды нажал на спуск.

Получившие по дозе особого средства жертвы не сразу поняли, что случилось. Она вяло шлепнула себя по блестящей от пота ляжке, провела рукой по атласной чуть загорелой коже, начала приподниматься. Он остался недвижим. Как и я, хотя тело уже намекало, что несмотря на тренированность и привычность мышц пора бы сменить позу. Но я выждал еще несколько секунд, давая хитрой химической смеси лучше разбежаться по крови лежавшей в постели пары. И лишь убедившись, что все идет как надо, медленно поднялся из темного угла, где сидел на корточках последние сорок минут. Нет все же удивительно – после сорока лет брака они не только регулярно балуются сексом, но еще и так долго...

Сквозь маску не увидеть, но я все же широко и тепло улыбнулся обмякшей паре и слегка поклонился:

– Добрый вечер. Ваш личный вуайерист в полном восторге, уважаемая чета Гришиных.

Фамилия русская. Но на них двоих найдется не больше десятка процентов русской крови. Все давно смешалось в этом мире. И если он хотя бы отчасти похож на славянина, то она больше на азиатку с солидной примесью латиноамериканских кровей.

– Кто ты... – в притупленном химией голосе лежащего на спине обнаженного мужчины почти не было эмоций.

Но одно чувство все же ощущалось очень хорошо – страх. Но не за себя, а за жену, что лежала рядом и неотрывно гля-

дела на меня немигающим змеиным взором.

– Сразу хочу успокоить уважаемого главу семейства – продолжил я, прислоняясь спиной к стене и поочередно разминая ноги – Я не собираюсь насиловать вашу прекрасную и весьма умелую жену. Я здесь по очень конкретному вопросу. И нанес столь поздний визит только по одной причине – вашу дражайшую супругу нигде не поймать. Ждал ее на последней конференции, но она не явилась. Как и недавнее выступление прошло без госпожи Гришиной. Неуловимая и гениальная...

Он расслабился – я понял это по лицу и глазам. Не до конца, конечно, но главное он понял – жену насиловать не станут. А в его положении это очень важно – нет ничего более худшего для мужчины чем наблюдать за подобным и не быть в состоянии что-то предпринять. А он не мог. Гений науки Гришин был парализован. Хотя это не остановило его работу. Скорее наоборот – его работы стали еще глубже, еще острее, еще современной.

– Что ты хочешь... – она медленно прикрыла наготу – Деньги? Содержимое сейфа?

– Я пришел за секретом – с готовностью ответил я – Передайте мне секрет амноса – и я уйду.

– Не понимаю, о чем ты – она ответила почти мгновенно.

– Амнос? – с искренним недоумением произнес парализованный – Я не понимаю.

– Мы заплатим сколько надо. Переведем куда скажешь

нужную сумму.

Я прервал ее:

– Хватит! Рядом с кроватью ваш планшет, госпожа Гришина. Введите пароль, войдите в сеть, авторизируйтесь на личном сверхзащищенном сервере данных и отправьте на указанный мной адрес рецепт амноса известного так же, как корректор памяти.

– Я не понимаю о чем ты – упрямо повторила она.

Я не мог не восхититься этим упрямством. И заодно понял, что тут придется переть напролом и бить по самому дорогому для нее – по мужу. Вернее, по его любви к ней.

– Семь лет назад ваш флаер рухнул, господин Гришин – начал я без прелюдий, произнося слова ровным спокойным голосом – Вашу жизнь спасло несколько факторов. Система спасения флаера, личная аптечка высшего уровня, прибывшая за секунду до падения бригада скорой помощи – хвала компьютерным оракулам, что видят, предвидят и реагируют. Служба аварийного перехвата опоздала совсем чуть-чуть. Но и они прибыли быстро. Короче – вас спасли. Но ваш позвоночник... вы остались парализованы. И заодно получили ударную амнезию, потеряв часть воспоминаний. Но это меньшая проблема по сравнению с парализацией – и это в наше-то прогрессивное время! Частная элитная клиника с лучшими докторами не помогла?

– К чему это?

– Я ни в коем случае не издеваюсь над беспомощным че-

ловек, сэр. О нет. Хотя я из тех мальчишек, кто не раз тыкал палкой выброшенную на бетонные плиты медузу. Такой вот я паршивец. Но сейчас я не тычу палкой. Более того – вы должны быть мне благодарны. Ведь я открываю вам глаза. Я собираюсь вскрыть грандиозную аферу, настоящее театральное представление, шоу для единственного участника – вас.

– Не понимаю...

– Хватит! – она поняла все верно и начала медленно поворачиваться, тянясь к лежащему у кровати планшету.

Остановить ее было легко. Я просто пообещал:

– Следующая доза вас отключит. А ему я не только расскажу правду, но и заберу его от вас, госпожа паучиха. Ядовитая паучиха...

Она замерла. Беззвучно шевельнула губами. Я с готовностью повысил уровень угрозы:

– Ни слова, ни движения. Любая помеха моему рассказу – и получите иглу с ударной дозой. Лежите смирно. Разрешаю кивнуть.

Секунда... другая... легкий кивок, в глазах появляется испуг, обреченность, страх и одновременно решимость. Еще бы. Она знает, что именно я хочу рассказать. Она понимает, что обрушится на нее вскоре. Но еще она знает, как это все исправить. И в ее красивой умной головке прямо сейчас быстро рождается простой эффективный план ликвидации наносимого прямо сейчас ущерба.

– Я не понимаю – повторил Гришин и на этот раз в

его голосе слышалась ярость. Разозлился даже несмотря на мощнейшую химию. Что и следовало ожидать от бывшего спортсмена и бойца.

Убедившись, что обворожительная паучиха – или змея – затихла и не сводит с меня немигающих глаз, я продолжил:

– Несмотря на трагедию ваша семья не только не распалась, но стала крепче. Все рукоплескали. Вы продолжили работать как работали. Доктора регулярно бьются над вашим позвоночником. Имплантируют все новые устройства, вводят в кровь особые средства, подсаживают всякую генномодифицированную хрень на поврежденные позвонки... но вы продолжаете оставаться парализованным. Не поразительно ли?

– Дело не в позвонках. Мой спинной мозг...

– Все чушь! – прервал я его – Беда в том, профессор, что никакой аварии не было. Ваш флаер упал, это факт. Но вас в нем не было. Ваш позвоночник – вместе со спинным мозгом – в полном порядке. Ваша амнезия – следствие примененного на вас новейшего экспериментального средства амнос. Ход событий был примерно следующим – вас отключили, а затем стерли кусок воспоминаний протяженностью в месяц. После чего вырубил вам позвоночник, превратив в живую и теплую постельную зверушку, подушку-обнимашку... ну и член работает хвала хитрой химии, да? Жenuшка регулярно отпрыгивает на вас джигу и называет самым лучшим. Тут она не соврала – для нее вы самый лучший. Дело в

том, профессор, что у вашей жены некое психическое отклонение. Она болезненно зависима от вас. Влюблена. По уши. Наглухо. Она не видит для себя другой жизни кроме как рядом с вами. Она из тех, кто живой ложится в могилу вместе с почившим мужем. Но вот ведь беда... вы-то вдруг увлеклись другой. Причем ваши чувства вспыхнули так быстро и так сильно, что за месяц интрижка превратилась в нечто куда большее... Ах вы изменник... Но вы за это заплатили – и сполна! Поэтому доктора и не могут поставить вас на ноги – ведь ваш лечащий врач... ваша прекрасная жена. Она стоит во главе бригады. Она принимает смелые и ничего не дающие решения. Она скрывает и искажает информацию, не давая вам подняться на ноги и одновременно ободряя и обещая скорое излечение.

– Это бред! Что ты такое...

– Я говорю чистую правду, профессор. Но... если честно... мне не надо, чтобы вы верили мне. Ведь мне плевать на вас. Я рассказываю это только по одной причине – чтобы вы знали. Чтобы поняли, на что обрекла вас любящая жена. И когда я расскажу все – она по собственной воле отошлет на указанный адрес формулу амноса, описание необходимого оборудования, перечень наиболее подходящего сырья и вообще всю сопутствующую информацию. После чего я, убедившись в получении и верности информации, встану и покину вашу уютную спальню навсегда. Она же, придя в себя после лекарств, тоже поднимется, натянет шелковые трусики

и, не глядя на вас, выйдет. Но вскоре вернется – уже одетой, умытой, причесанной и с инъектором в руках. Снова не глядя в ваши пылающие фейерверком каких угодно чувств, но только не любовью глаза, не прислушиваясь к вашим мольбам, она сделает укол снотворного. После чего, как я думаю, вас доставят в больничную палату в возглавляемой ей больнице, что по иронии судьбы принадлежит вам обоим. И вот там снова состоится веселый и занимательный процесс по избирательному стиранию памяти. В первый раз из вашей головы стерли все воспоминания о смешливой блондиночке с разноцветными глазами. Она, кстати, пропала в день вашей мнимой аварии. Ее так и не нашли. И если она попала в лапки вашей узнавшей правду женушки... я не завидую участи этой девушки.

– Это...

– Дослушайте сказку до конца, профессор. Ведь она со счастливым для всех концом! Итак... вам сотрут память. После чего вы проснетесь в этой постели одним прекрасным солнечным утром. Рядом будет лежать ваша любящая жена, что займется со своим альфа-самцом горячим утренним сексом, а затем приготовит ему легкий и очень здоровый завтрак из хрустящей гранолы и спелых фруктов. И все станут жить долго и счастливо... Вы забудете о рассказанном мной навсегда. Продолжите жить постельной умной игрушкой... и она будет счастлива. Так что, госпожа Гришина... что вы выбираете? Счастье? Или горе?

– Я переешлю данные немедленно. Какие мои гарантии?

– Никаких. Но мне незачем убивать вас. И мне плевать на профессора Гришина и его мобильность. И на вашу семейную жизнь.

– Хорошо.

– Приступайте – широко улыбнулся я – И помните – я знаю, что самое страшное наказание для вас это осознание того, что муж жив и знает правду о своей невероятно подлой жене. Ведь для вас это невыносимо, да? Как нож ворочать в ране...

По ее лицу бежали слезы. Она даже не плакала – беззвучно рыдала, не глядя на неотрывно смотрящего на нее мужа. И деловито тыкала ухоженными пальчиками по экрану планшета.

– Адрес?

Одна за другой я продиктовал и повторил цифры. Планшет пискнул. Она, не колеблясь, подтвердила запрос. Промчались электрические импульсы. У меня перед глазами мелькнули строчки текста. Готово. Я подождал еще немного, молча глядя на обнаженную супружескую чету. Получил подтверждение от получившей пакет стороны. Все правильно. Все сошлось при сравнении с имеющимися у них клочками информации.

– Всего хорошего – я мягко поднялся, шагнул к скрытому длинными шторами окну.

– Убей меня – слова мужа заставили меня задержаться и

удивленно обернуться.

Ошибка.

Но в его голосе было столько мольбы. И столько слез. Столько чувств. Я невольно замер, глядя на коверкающие его лицо эмоции. У парализованного куска мяса выгорела душа. И он хотел умереть – прямо сейчас. Немедленно. На жену он больше не смотрел. Только на меня.

– Не тронь! – в ее крике звучало шипение дикой кошки бросившейся защищать котят. Прикрыв его своим красивом телом, она закричала в голос, тревожно мигал красным экран планшета.

Я попятился к окну. С потолка била теплая воздушная волна – разбавляя до состояния свежего ночного бриза поток ледяного воздуха входящего в окно. Тут всегда холодно – мы на полуторакилометровой высоте. Я уже поднялся на подоконник, когда перед глазами появилась еще одна короткая строчка.

Прочитав, я вскинул руку с оружием. Со вздохом признался:

– Все же я солгал – ликвидация.

– Ее не тронь! Убей меня! – он по-прежнему не глядел на нее, но молил о том, чтобы пощадить ей жизнь. Что за безумная семейка?

Она метнулась ко мне. Кошка. Змея. Паучиха. Любящая жена. Сумасшедшая красивая сука. Я выстрелил дважды. И красивое нагое тело рухнуло у моих ног. Добавил короткую

очередь в голову. Поднял глаза и понял, что совершил очередную ошибку. В меня ударило быстрое и странно двигающееся тело голого мужика, в глотку вцепилась рука, я едва успел чуть наклонить голову и подставить под удар чужого лба свой лоб. Удар. В ушах зазвенело. Из лежащего на постели планшета, вместе со звуками старомодной ахающей тревожной сирены, донеслось удивительное спокойное оповещение:

– Протокол Глава Семьи активирован! Протокол Глава Семьи активирован!

– Что со мной? – спросил вцепившийся мне в горло убийца – Я встал?

Его следующий удар пришелся в стену рядом с окном. Удар такой силы, что хрустнул светящийся синеватым локоть. Но его это не остановило – обхватив меня, он резко распрямил ноги и в обнимку мы вылетели в окно.

– Дерьмо! – подытожил я результат акции, втыкая большой палец левой руки в глаз восставшего паралитика.

– Ты убил мою жену! Я убью тебя!

– Дерьмо – повторил я и мы упали в густые свинцовые облака.

Глава первая

Растирая онемевшее после очередного забытья лицо, я медленно рассасывал под языком четвертинку серой таблетки и выжидающе смотрел вперед. Я сидел на крыше головного фургона – в передней его части. Прямо перед моими скрещенными ногами верхушка утопленной в корпусе фургона полусферы наблюдения. Изредкадвигающиеся визоры задумчиво поворачивались ко мне, по груди пробегали лазерные лучи. Секунда – и око всемогущей системы возвращалось к наблюдению за здешними природными красотами и тварями тут обитающими.

Недавно мы миновали последний придорожный пяточок безопасности, где половина «аквариумов» была опустошена. Всех скаббров подморозили хорошенько и почти дохлыми тушами перегрузили в подошедший транспортник – махину на шаровидных колесах, что выкатила из открывшихся в скале замаскированных врат. Вход в тот мир – знакомый и родной, темный и страшный. Многотонные врата закрылись за машиной увозящей больных странной чесоткой людей на лечение, а самых запущенных – в многолетний хладный сон с предварительным стиранием памяти. Так рассказал Тон. И он же рассказал о том, что уже не раз и не два встречал бывших чесоточных – спустя годы и годы. Как правило они не появлялись раньше, чем через два года после «погружения».

Почему стирали память? Кто его знает. Еще один извращенный перекося. А может имеются медицинские резоны. Гадать не хочу – мозг и так заполнен новой важной информацией.

Важной и безумной...

Вот же дерьмо....

Это сочетание слов повторяется все чаще: «важный и безумный».

Я услышал безумную мать его историю! Но при этом в ней присутствовала логика. Извращенная, искаженная, но логика. А заодно хотя бы частично уложил в голове картографию, разобравшись наконец в терминах и выбрав для себя самые распространенные и понятные.

Музейный Обод – это все, начиная от той далекой стальной стены, от заселенных этносами островов, самой полосы моря, побережья и земель вплоть до Чистой Тропы. Территория огромная, относительная мирная, заселена добросами и этносами, богатая дикая флора, умеренная дикая фауна, много фруктовых садов, полей, лугов. Тут живут мирные тихие добросы, чей покой оберегают из них же набранные стражи-верги. Они радикально оседлые и вполне довольны своей жизнью.

Чистая Тропа. Она идет по границе между Ободом и Мидьярдом. Это чуть ли не суверенная отдельная территория, такая прослойка между двумя типами земель. Здесь доминируют, царят и вообще всех гнетут суровые бродячие верги без права оседлости. Таборы безостановочно ко-

чуют по Тропе, очищая ее окрестности от любой гадости и опасности, заодно принимая в контейнеры, если потребуются, зомбяков, скаббов и всякую мертвечину.

Мидьярд – самое пафосное и частое название территории, что находится между Чистой Тропой и Землями Завета. Границы Мидьярда – Чистая Тропа с одной стороны и неприступные скалы с другой. Мидьярд богат природой в ее самом первозданном виде. Чем дальше от Тропы – тем круче буреломы и темнее дебри, тем опасней места, встречаются даже болота. Рек и ручейков не перечесть. Достаточно хаотично разбросаны поселения. Эти земли тоже населены добросами. Но какими-то другими. Отличия очень тонкие, но в глаза бросаются – к примеру доброс с Обода может жить в Мидьярде сколько захочет. Но не наоборот – выходец из Мидьярда имеет право пробыть в любом «музейном» поселении не более суток. После чего его вежливо попросят... Мидьярд густо населен дикими и домашними призмами всех видов. Это вообще самая населенная и самая хаотичная часть мира судя по отзывам бродосов. В каждой городке свои законы и понятия, своя власть.

За Мидьярдом лежат Земли Завета, они же Заповедные Земли – что там находится не знает никто кроме избранных героев. Но те, попав туда, назад не возвращаются за редчайшим исключением. Если и возвращаются по какому-то заданию или иной причине, не треплются о тех землях, хотя подтверждают, что там настоящий рай, лепота и вообще все

там до такой степени прекрасно, что даже не подтертая жопа пахнет не говном, а ванилью.

Хочешь понюхать?

На нюхни, я еще не подтер. И обмирающие от свалившегося на голову счастья гоблины робко нюхают – и да! Жопа героя пахнет ванилью! Ух!

Но это сраная лирика навеянная мемвасом. Что находится в Заповедных Землях не знает толком никто из всех, с кем я говорил. Все уверены только в одном – там живут высшие и избранные герои.

Мы сейчас весело движемся по Чистой Тропе к конечной остановке двадцать восьмого сторожевого табора. Там они отдохнут аж двенадцать часов в состоянии покоя. После чего развернутся – и обратно по Тропе.

Конечная остановка? Зомбилэнд!

Именно туда свозят всех зомбаков округи. И возят их постоянно. Что вполне понятно, ведь скаббы и зомби – два главных бича территорий Музейного Обода и Мидъярда. Даже призмы не так страшны.

Но больных гнилью не убивают по возможности. Их обездвиживают, помещают на холод и везут по Тропе. И меня это настолько зацепило, что я не мог не задать обманчиво молодому Тону простого логичного вопроса:

– А какого хера вы зомбаков не мочите сразу? И давай конкретику – люблю я эту суку.

– Кто не любит – хмыкнул помощник барона – Конкрети-

ка... А за что их мочить?

– Они же зомби.

– Зомби – кивнул парень – Кусачие ублюдочные зомби, что порвут на части, сожрут, а если матерые и сытые – просто заразят, делая одним из своих.

– Так мочить надо.

– За что?

– Ты тупой?

– Это ты либо тупой либо неправильный. Повторюсь – за что их убивать? Это ведь заболевшие люди. Они не преступники. Они не убивают намеренно. Их мозги поражены гнилью. Да они кровожадные хитрые твари. Но это не преступление – они просто больны.

– Повтори. Я не въехал.

– Зомби – это болезнь. Но не преступление.

– Я не въезжаю. Тебя чувство вины из-за этого мучит? Дай мне топор и пусти в зомбятник.

– Ты не понимаешь, Оди. Мы их поймали. Вкололи им лекарства. Поместили на холод. Ждем. Очень редко, крайне редко, даже запущенная болезнь может пойти вспять. Препрежнему человеку уже не стать никогда – с психикой жопа. Но ему сотрут память, чуть поменяют лицо и вернут в мир подалее от места, где он творил беды, когда был зомби.

– Что сделают с лицом?

– Подкорректируют лицо. Внешность.

– Чтобы его не узнал, к примеру тот, чью жену он схавал

на завтрак.

– Верно. Предположим, из ста зомби вакцина подействует на пятерых. Хотя иногда больше, иногда меньше – не угадаешь. Но всем пойманным зомбакам вводят лекарства и повторяют инъекции каждый день на протяжении всего пути табора. Мать мониторит их состояние, ведет записи, контролирует дозировку. Мы выполняем ее указания.

– Понял. А выздоравливающих отделяете. Вчера видел, как вытаскивали пришедшую в себя и заблажившую бабенку.

– Если успеваем – кивнул Тон – Там холодно. Что для зомби просто анабиоз – для обычных людей смерть. Но чаще всего успеваем. Идем дальше по веселому больничному листу. Снова предположим, что из ста зомби пять излечилось. Остальные остались теми, кем были – монстрами. Девяносто пять упырей в аквариуме скалят заиндевевшие зубы и только ждут случая, чтобы порвать тебе глотку. Что с ними делать?

– Топор и огнемет решат эту проблему.

– Убить их?

– Ну.

– За что?

– Ты задрал этим тупым вопросом. Львиная доля убийств – без причины. Просто так! А ты тут мораль насчет зомби разводишь...

– Повторюсь – на них нет вины! Это больные люди! Просто их болезнь необратима! По какой причине Мать может

отдать приказ на ликвидацию больного доброса? А если это бывший заслуженный доброс? Боевой доброс? Герой? Если это ребенок? – что тоже встречается!

– М-да... я понял, о чем ты. Но в жопу этику в случае с зомби. Скаббов еще можно вылечить. Если антизомби укол не подействовал – тварей надо расчленять и сжигать.

– Это казнь без причины. Мать не может убить невиновных. Это просто больные люди имеющие почти те же права, что и ты.

– Хера себе...

– Ага.

– Ладно. Тогда в заморозку их глухую. Проморозить до минус тысячи – и в стальную клетку штабелями. Типа – храним до изобретения более действенной вакцины.

– Нельзя взять и заморозить спятившего доброса просто так.

– Просто так? Он убивает!

– Убивает. Но при этом он не виноват. Такой вот сучий выверт. Парадокс зомби – так мы его называем. Невиновный убийца. Когда буйнопомешанный убивает кого-то – его не судят. Его отправляют в специальное учреждение закрытого типа, где и оставляют в компании таких же как он до выздоровления или же навечно... Ты намек понял, гоблин?

– Стоп! Ты мне хочешь сказать, что этот ваш Зомбилэнд это...

– Не Зомбилэнд, а закрытая территория Тихие Буки, на-

ходящаяся под ведомством и управлением кластера Ждунов, они же Болотники.

– Вот дерьмо – неволью вздрогнул я – Болотники?

– Что-то не так?

– Да есть плохая ассоциация в прошлом. Тамошние болотники были похитителями, насильниками, убийцами, людоедами, торговцами человечинной.

– Были? А что с ними стало?

– Умерли они разом.

– Ясно. Что сказать... и не мое это дело, но судя по известному мне – здешние болотники не лучше. Но и судить их тяжело – сам поймешь в каком дерьме они оказались.

– Хм... Тихие Буки? Психбольница для зомби? Скажи, что ты просто решил посмеяться над наивным гоблином и я подарю тебе свинокол.

– Подари. Но я не шутил. Психбольница для зомби. Только это не здание, а нечто куда большее. Зомбилэнд.

– Вы тут сука все на голову трахнутые. Вы усердно свозите зомбаков в одно и то же место?

– Да. Доставляет и Мать – своими особыми подземными путями. Ведь тварей ловят не только у Чистой Тропы. Зомбилэнд – сюда стекаются все зомби мира.

– А я дебил еще на Дерьмотаун грешил – вздохнул я, протягивая парню нож рукоятью вперед – Держи.

– За что?

– Подарок за советы и рассказы. И продолжай.

– Что именно?

– Рассказывать о гребаных Тихих Буках, странных Ждунах-болотниках, всей территории и почему там так легко стать героем.

– Не легко. Но быстро. Если не сдохнешь.

– Прямо как дома.

– Не набивай себе цену – усмехнулся Тон.

Прервав разговор, рядом уселся Рэк, косо глянул, взглядом спрашивая разрешение. Я кивнул. Ничего не имею против. Заметив его перекошенную харю, вопросительно приподнял бровь:

– Рыжая не отлипает от Хвана – пояснил орк, коротко покосившись через плечо на стоящий поодаль тент – Бисквитики скармливают, сиськами и жопой крутит. Он первое время шарахался от нее, а теперь вроде как ему даже в кайф. Но это же сука мрак!

– Завидуешь, что не о тебя сиськами трется?

– Девка кайфная и даже на вид сладкая – признал Рэк – И на запах. Но дело не в этом. Это ж ненормально так с мужиком себя вести!

– А она не с ним себя так ведет – покачал я головой – Ты еще не догнал?

– А?

– Рэк... она дрессирует насекомое. Помнишь вторую голову гниды, что активировалась только в самые тяжелые моменты, проявляя тупое упорство насекомого, стремящегося

всего-то к двум-трем вещам – выжить, пожрать, потрахать.

– Так башка ушла!

– Куда? Там была полноценная вторая нервная система. У той башки был полный контроль над телом. А что еще охеренней – та башка была доминантной. Ведь именно она «отключала» Хвана, а не наоборот. А сама уходила в сон, когда ей того хотелось, возвращая контроль человеку. И ты хочешь сказать, что все это отгнило и рассосалось? Нет, орк. Все это еще там – скрывается где-то под панцирем. Тихо сидит, жрет бисквиты, пялится немигающими глазками на воркующую Джоранн – и ему все по кайфу. Еще бы нет – ведь рыжая девка предоставляет море сладкой жратвы и обещает океан столь же сладкого секса. Что еще надо насекомому? Может вторая башка существует уже не отдельным органом. Но что-то и где-то в нервной системе Хвана от нее осталось.

Помолчав, Рэк принялся задумчиво хрюкать, пялясь на проплывающие мимо зеленые луга со ставшими совсем уж редкими пятнами снега. Хрюкал он где-то минуту. А мы с Тоном терпеливо ждали. Нахрюкавшись, орк наконец-то задал главный вопрос:

– Если так – то нахрена ей это? На самом деле прется по экзотической обертке? Шипы торчат, жвала топорщится, пластины хрустят... возбуждает? Хочется, чтобы рядом все время был сексуальный таракан?

– Может и это тоже – пожал я плечами – Но здесь не это главное.

– А что?

– Контроль, Рэк. Контроль. Думая, что мы ни хера не замечаем, прикидываясь просто испорченной извращенной девчонкой с отклонениями, она умело и целенаправленно привязывает призма к себе. И действует она вот так напролом только по одной простой причине, Рэк – насекомые другой подход просто не заметят. Им надо показать печеньки и сиськи – вот тогда до них допрет и они к тебе потянутся.

– Тогда два вопроса. Первый такой же – нахрена ей это?! А второй вопрос – раз ты это увидел, то почему еще не проломил ей голову и не скинул с крыши фургона в грязь? Если ты прав – эта сука ломает отряд! Опять кто-то ломает отряд! Сначала долбанная Йорка с ее тягой к мирной жизни промыла башку Баску. Теперь Джоранн усердно полощет мозги богомолу! Что за хрень?

– Ответы просты, орк. Первое – она привязывает к себе потенциально очень мощного бойца. Призм после обучения может превратиться в настоящую молотилку смерти. Преданный и смертоносный личный богомол-телохранитель. Да еще и в постели использовать можно. Днем охраняет, вечером трахает. Разве не чудо? Ответ на второй вопрос – я наблюдаю и жду.

– Ждешь чего? Ей явно с нами не по пути.

– А вот это не факт – покачал я головой – Не мешай им, Рэк. Не обращай внимания на ее приторное воркование и хруст бисквитов. Просто молча наблюдай.

– Зачем?

– Откуда она обладает знаниями по обращению с насекомовидными призмами? Почему она так легко переносит вид крови и мяса? Ты видел, как умело, но странно она обращается с ножом? Как его держит, как вообще меняется ее поза, когда она берет в руки нож. Ты замечал? Или только на сиськи пялился?

– Она врач – нарушил молчание и подался вперед Тон – Хирург или что-то в этом роде. Я так думаю.

– Почему?

– Она увидела нагноение у одного из вернувшихся с долгой разведки бойца. Огромная лиловая мерзкая шишка. Видно издалека. И пока он топал в медблок, она наблюдала с крыши фургона, и ее правая рука так шевелилась, будто она умело что-то там иссекает, подрезает и так далее. Я не знаю, что она делала как доброс. Но до этого она была врачом.

– Наблюдения творят чудеса – разве я руками – Закончил хныкать, Рэк? Если да – либо вали, либо заткнись и слушай.

– Посплю пойду.

– Давай.

– А я почему вот это все не заметил? Я видел лишь потекшую суку трущуюся о кобеля в панцире. Но не больше. Почему я не увидел?

– Потому что ты debil? Всегда есть подоплека, Рэк. Всегда. Сейчас я уверен в одном – Джоранн пытается стать для Хвана вожаком. Хочет взять его под столь плотный кон-

троль, чтобы он подчинялся только и только и ей. И чтобы укажи она пальчиком на гоблина Оди или орка Рэка и скажи «фас ублюдков» богомол бы атаковал нас без малейших раздумий.

– Ага. Ага... Охренеть... Ну я пошел посплю.

– Давай.

Но орк пошел не спать. Не дошел. Его перехватил тот самый седой уже бродос. Причем остановил самым действенным способом – показал бутылку и пару деревянных стаканчиков. Орка будто гвоздями к крыше фургона приколотили. Посверлив взглядом бутылку, оглянулся на меня. Я махнул рукой и показал «чуток».

– Садись уже, одноглазый – буркнул седой – Начальство все время слушать – умрешь трезвым девственником.

– Вот и я говорю! – подхватил Рэк, потирая ладони.

Ветеран, щедро булькая по бокалам, бросил мрачный взгляд на тоже обернувшегося Тона и буркнул:

– Рассказал уже?

– Момент ищу.

– Яйца у кобылы ты ищешь. Да не между ляжек, а меж ушей – проворчал седой – Мы скоро прибудем уже. А вдруг эти одни из тех?

– Рассказать о чем? – не сводя глаз с полного стаканчика, поинтересовался орк. Едва ему протянули амброзию, мигом сграбастал, нюхнул, поднял в салюте – За кобыл без яиц! И не дай эльфы наоборот!

– Без них! – кивнул ветеран и, придвинувшись ближе, спросил – Так говоришь болотники грудями женскими отрезанными торговали?

– Ну! Сиськами! Сам видел! Лежат себе на подносе, колышут сосками...

– Ага... и потом вы их Матери сдали?

– А что с ними еще делать?

– Это да. И как увидели это дерьмо – пошли на болотников. По желобу вроде как пошли. Вплавь?

Выпив, орк крикнул, вытер пасть тыльной стороной лапы, с хрустом повел шейей, протянул опустевшую посуду для повторного заполнения и посвежевшим голосом начал:

– Дело было так...

Дальше я уже не стал слышать. Зачем, если я там был? Я вопросительно глядел на Тона. А тот задумчиво ковырял левым мизинцем в носу. Я не мешал. Наковырявшись всласть, он вытащил что-то, изучил, буркнул недовольно:

– Селезенки кусок.

– Ну? Расскажешь? Кто такие «эти одни из тех»?

– Ладно... – сдался Тон и шлепнул ладонью по металлу – Расскажу. История короткая, кровавая, мрачная, мерзкая и несправедливая.

– Звучит как история твоей женитьбы.

– Ты без юморка поганого никак?

– Юмор как смазка – пожал я плечами – Порой в такие отвратные дыры забираться приходится, что без юмора никак.

– Типа самозащиты психической? Тоже верно. Мы зомбаков убиваем – и ржем. Скаббов валим – и ржем. Кровь с рож стираем – и ржем. Мясо в аквариум ногами порой трамбуем – и ваше ухохатываемся. Времени у нас и впрямь мало осталось. Так что я быстро задаю вопросы, ты быстро отвечаешь, попутно я рассказываю всю историю.

– Договорились.

– Что ты знаешь о Мировой Скверне, сыроед Оди?

– Никогда не слышал.

– Что ты думаешь о том, что происходит с миром? Со всем вокруг?

– Мир гниет. Умирает.

– Верно. Многие замечают – хотя тут скорее приходится делать усилие, чтобы ничего не заметить. Мы бродосы предпочитаем об этом не говорить. Но часто слышим от других рассуждения и предположения. Но в целом ты прав – мир гниет. Медленно умирает. Я сам тому свидетель. С каждым годом все больше больных деревьев и животных, все чаще встречается на пути мертвечина, все чаще рождаются новые призмы – а те, кто водил таборы по Тропе столетия до нас порой не встречали ни одного призма месяцами. Зомби и скаббы – их тоже с каждым годом все больше. Мир болеет. Но мы называем это не гнилью. Вот уже как сорок с чем-то лет все называют это Мировой Скверной.

– Как не назови...

– Да. Но название важно – вернее откуда оно взялось такое

странное и мрачное «Мировая Скверна».

– И откуда?

– А вот тут и начинается самое интересное. Эту историю знают все, кто часто на свой и риск ходит по Чистой Тропе и проводит вечера за разговорами у газовых костерков. Эту историю рассказывают в землях Мидьярда, которые многие еще называют Срединными. Это история о крайне умелом и наглom отряде настоящих отморозков. И возглавлял их еще больший отморозок по имени Однар. Ничего не напоминает?

– Ты не на меня намекаешь?

– Ага. На тебя.

– Спятил? Я считаю новорожденный.

– Это только подтверждает мои слова. Слушай и сам поймешь. Короче, где-то сорок четыре-сорок пять лет тому назад в Зомбилэнд явился отряд. До сих пор спорят о его численности. Кто говорит их было около десяти, другие утверждают, что их было не больше пяти. Третьи уже кричат о сотне. Правду вряд ли можно узнать. Да и зачем? Главное то, что они пришли в Зомбилэнд и лидер отряда громогласно объявил, что Ждуны, они же Болотники, они же Сурверы и они же Хомяки...

– Ого – хмыкнул я.

– Да не говори – поморщился Тон – Так вот. Лидер того загадочного отряда объявил – наш мир поражен Скверной! Лютой страшной болезнью, которая вскоре наш мир докана-

ет и приведет к всеобщему концу. Бойтесь, тупорылые! Кто-то из тамошних тупорылых попробовал возмутиться, но им быстро сломали по паре костей, и они благоразумно заткнулись. А лидер Однар продолжил говорить. Его тот рассказ, хотя теперь его называют Проповедью Гнева – безбожно переврали. Но суть все же понять можно. По его словам, весь Зомбилэнд – гребаная язва, что стремительно разъедает все вокруг. Даже не сам Зомбилэнд – это ведь просто Тихие Букки – но долбаные Сурверы, что однажды хитростью и подлостью обманули доверчивую Мать, получив незаслуженные права и статус. Однар назвал их одними из Осквернителей, что притащили с собой темную заразу в изначально светлый мир. Мать, понявшая как ее провели, разгневалась и ответила ударом на удар. Яростью на хитрость. В результате Болотники навеки оказались прикованы к Зомбилэнду незримыми цепями. Как Мать обманули – не спрашивай. Не знаю. Ждуны знают.

– Я устал от кучи прозвищ. Как чаще всего эти болотники себя сами называют?

– Сурверы.

– На этом остановимся. Проповедь Гнева... и каков его результат?

– Однар призвал всех восстать против Сурверов. Вскрыть их цитадели одна за другой. Уничтожить каждого Сурвера – причем наглухо, чтобы без варианта спасения. Мозги в кашу, а кашу на ужин зомби. Когда Сурверы сдохнут – язва пе-

рестанет разрастаться. После чего следует постараться еще немного и уничтожить всех пасущихся в Тихих Буках зомби. Причем сделать это следует немедленно. Иначе, пусть не прямо сейчас, если оставить все как есть, на мир обрушится великая беда. Настолько великая, что ее простой зачисткой Сурверов и зомби уже будет не остановить.

– И его послушали? Однара?

– Да. Он каким-то образом завел толпу. Ну само собой там было немало наркоты, самогона и грибов. Не прошло и десятка часов – целая армия вошла в пределы Зомбилэнда. Такого прежде никогда не бывало. Зомбаков валили десятками, расшибая им черепа, топча мозги. Но там – это нормально.

– Убивать зомби?

– Да. Там не Мать правит. Там правят Сурверы, а Мать лишь почти пассивный наблюдатель. Все это знают.

– Хорошо. Дальше.

– Никто не знает как, но пробившись к одной из цитаделей, они сумели вскрыть ее. Вытащили хозяина, разорвали на части, выколоченные из башки мозги бросили в пылающий костер. Мозговая котлетка еще зажариться не успела, а они уже двигались ко второй крепости. Тут-то Сурверы и взвыли. Да как громко! Они вспомнили о своих правах и потребовали защиты у Матери. И получили ее.

– Система встала на их сторону?

– Можно сказать и так. Она потребовала остановиться.

Кто поперет против слова Матери? Только отморозки. И таких оказалось не слишком много. Армия уменьшилась вдвое. Затем Сурверы пообещали великую награду за головы посмеявшихся замахнуться на них ублюдков... и ситуация развернулась наоборот. Охотиться начали уже на бойцов Однара и его самого. А они, вот смельчаки ублюдочные! – не убежали, не отступили, а продолжили ковырять вторую цитадель и... вскрыли! Но поддалась она большей кровью вроде как. От отряда остались жалкие остатки, все серьезно изранены, аптечки пусты, боезапас на нуле. В конце концов переметнувшиеся на сторону Сурверов будущие герои добились некоторых из пришлых, а еще четверых они скрутили и потащили к хозяевам. Сурверы собирались лично поизгаляться над бойцами Однара. Но Мать не позволила. Она приказала оттащить еще живых преступников в Литекюль. Всех, включая Однара.

– Литекюль? Это что за место?

– Городок впритык к Зомбилэнду. И наша конечная остановка. Там огромный трактир-депо для бродосов. Там мы вас ссадим. И там мы попрощаемся. Но если хотите – поехали обратно с нами.

– Не. Мы в Литекюле сойдем – усмехнулся я – И что там случилось в том городке?

– Суд. Короткий и быстрый. Мать вынесла приговор за секунды. И дала выбор – изменение в призмове со стиранием памяти, либо же тотальное понижение в статусе и стирание

памяти.

– А разве призм – сам по себе не понижен в статусе?

– Да. Что-то между добросом и мартышкой лесной – кивнул Тон.

– Тогда в чем смысл? – сам я ответ уже знал, но хотел, чтобы предположение высказал Тон.

Бродос не подвел. Заглянув мне в глаза, он медленно произнес:

– До вчерашнего дня я сам гадал. Но после твоих рассказов о темном мире, где черпают ведрами серую слизь, где плуксы сосут мозг, а лишённые за неуплату рук и ног пресмыкаются в лужах мочи... Может я и знаю теперь, что такое тотальное понижение статуса. Но если так – я бы выбрал именно этот путь.

– Они выбрали тотальное понижение статуса и стирание памяти?

– Да. И Мать забрала их. Однара и троих его бойцов. Израненных, уже умирающих, Мать погрузила их в эшафот, и они исчезли навсегда. Такая вот история, гоблин Оди. Этот Однар – наглый, самоуверенный, насмешливый отморозок... никого тебе не напоминает?

– Я с такими не вожусь – помотал я головой и задумчиво потер подбородок – Намек услышан и понят. Но вряд ли.

– Тебя зовут Оди.

– Я выбрал этот номер по номеру на груди. Никаких личных ассоциаций. Да я добровольно низший.

– Добровольно низший – повторил Тон.

– Да у меня стерта память. Да я умею и люблю убивать. Но... сам подумай, Тон. Спустя полвека? И чтобы я оказался неподалеку от того самого Зомбилэнда? Пусть не впритык, но довольно рядом.

– Какие шансы у вас были вырваться оттуда? Из этого Дерьмотауна, что висит над Стилой Клоакой и витает в парах Зловонки? Почти нулевой? Но ведь вы вырвались!

– Все равно. Это слишком большое совпадение. Система бы такого не допустила.

– Мать не допустила бы такого совпадения – согласился бродос – Но что, если это не совпадение? Кто ведает помыслы Матери?

– Уф... ладно. Что-то доказывать бессмысленно. Описание внешности этого Однара есть? И его бойцов.

– Откуда? Все их по-разному описывают. Однар был обычным человеком. В его отряде имелись зверолюди, призмы. Но в выживших были только люди. Два парня, две девки. Куски окровавленного измолотого мяса лежавшие на эшафоте.

– Ладно – повторил я – К жопу легенды. Но я запомнил. Скверна, обман Сурверов, гнев Матери, Проповедь Однара.

– Я тебя предупредил.

– О чем? Мне плевать на порядки Зомбилэнда, Тон. Я хочу стать гребаным героем! Пройти по этой обязательной лентке, что приведет меня к Землям Заветам. План прост!

Мне насрать на Сурверов!

– Я тебя предупредил – уперто повторил Тон.

Сдавшись, я махнул рукой и спросил:

– Раз почти прибыли – может уже все же расскажешь по-
дробней про Лихт... люхт...

– Уголек. Называй его Угольком. Все так зовут.

– Так бы сразу и сказал – проворчал я – Язык сломаешь.

Так что?

– Про Уголек, Зомбилэнд и Сурверов?

– Точно.

– Хорошо, гоблин Оди. Я начну с Сурверов.

– Опять они...

– Иначе никак – весь Зомбилэнд – это они. Сурверы. Короли и заключенные в одном лице.

Взявшись за лицо двумя пятернями, он хорошенько промял кожу, помассировал веки, похлопал по щекам ладонями и только после этого заговорил, сразу предупредив:

– Все свои любимые приколы и юморок ниже пояса засунь в сраку и не вытаскивай. История серьезная. Мрачная. И не поймешь кто в ней прав, а кто виноват. Так что шутки про сиськи и жопы тут не к месту.

– Да это на меня низший состав так пагубно действует – скорбно вздохнул я и забросил под язык таблетку шизы.

– Однар плотно сидел на наркоте – будто мимоходом заметил бродос – Вроде как легенды гласят, что наркота помогала приоткрыть ему прошлое. Даровала пророческие виде-

ния...

– Пророческие видения о прошлом? Вот это настоящий бред. И причем здесь я?

– Ну да.... Речь о нашем мире. Ты ведь понимаешь, сырод, что этот мир – рукотворен?

Так и хотелось ответить в стиле «Нет, что ты, всегда считал стальные стены мира воздвигнутыми сраной природой»... но сдержал язык и просто кивнул. Увидев, что тропник продолжает выжидающе пялиться, добавил:

– Давным-давно произошло что-то очень глобальное и очень нехорошее. Что-то коснувшееся всего мира сразу – того прежнего мира, откуда мы все родом. Чтобы не гадать на пустом месте, для себя я решил – тому миру пришел конец, и мы вынужденно переселились сюда. Причины прошлого апокалипсиса не особо важны – хотя бы потому, что это произошло очень давно. Я бы сказал столетия назад.

– Верно. Мы думаем так же. Что еще?

– Изначально здесь было социальное неравенство. Касты. И эти касты прописаны в наших статусах почти намертво. Изменить практически невозможно. Некоторые касты даются нам от рождения, на другие горки можно кое-как вскарабкаться, но чаще либо остаешься в своей колее пожизненно, либо падаешь еще ниже.

– Да – кивнул Тот, копаясь в небольшом свертке, вынутом из рюкзака – Однар был изначально добросом по статусу, затем сколотил отряд, они поднялись до уровня героев. Но

почему не стали расти выше и стремиться к Землям Завета. Наоборот – вернулись к Чистой Тропе и атаковали Зомбилэнд. В результате те, кто выжил, были понижены в статусе до добровольно низших. Стирание воспоминаний, погружение в холодный сон, наверняка хирургическое изменение внешности.

– И лишение всех конечностей – дополнил я его рассказ.

– Я видел твои шрамы. У одноглазого такие же. И я слышал ваши рассказы. Добровольно низшие лишаются собственных конечностей, при рождении им достаются любые, но не свои.

– Чаще всего почти отработанный хлам – я поднял руки, сжал и разжал пальцы – Но система в этом плане справедлива – с помощью химии даже дряблый хлам можно привести в относительный порядок. Вернемся к линейке статусов. Если снизу вверх, то я выстроил их так – принудительно измененные, добровольно низшие, добросы, этносы, герои, эльфы. Как-то так?

– Почти. Между героями и эльфами существует еще какая-то прослойка. Про это я мало что знаю. Но кое в чем уверен – серверы находятся где-то как раз между героями и эльфами. Ближе к героям, само собой. Но только в пределах Зомбилэнда. Вне его пределов – они никто.

– Уяснил.

– Держи.

Мне в руку вложили продолговатый предмет.

– О! Твой чл.... – начал было я, но осекся и пару секунд задумчиво смотрел в сторону, пока не признался – Может ты и прав насчет моего языка. Но знаешь – лучшего буфера защиты от всей это мразоты вокруг просто не найти.

– Да. Нужна разрядка. Наши тоже часто идут этим путем – секс, самогон, легкие наркотики, жратва, ругательства. Что угодно лишь бы отвлечься мыслями от всего этого дерьма вокруг. Закуришь?

– О да – кивнул я с широкой улыбкой – Охренеть...

Бродос Тон одарил меня сигарой. Самой настоящей сигарой скрученной из табачных листьев. Сигара одуряюще пахла и прямо требовала – подпали меня, сука! Давай!

Щелкнула зажигалка. Массивная, серебряная. Покосившись на предмет, вопросительно приподнял бровь. Вещь явно не штамповка, такое в торгматах не купишь.

– Иногда море дарит удивительно вещи – сказал бродос и зачмокал губами, раскуривая сигару – Если развернуться и долго ехать в обратном направлении, то там, за землями под властью Плюса, за скалистыми территориями горных добросов, начинаются теплые края. И там обитает небольшой и приветливый этнос. Они зажигательно танцуют, ослепительно улыбаются, делают обалденный ром и крутят невероятные сигары. Если бы у меня был выбор, гоблин Оди – я бы прожил остаток жизни там. Вставал бы каждое утро ближе к полудню, целовал бы лежащую рядом чернокудрую женщину, потом роскошный завтрак из фруктов и даров моря, по-

сле завтрака, сидя в кресле, неспешно выкурить сигару. И только затем приниматься за дела. А вечером еще сигара и немного темного крепкого рома... М-да...

– М-да...

– Но не суждено. Я либо умру от старости на Тропе, либо сдохну здесь от лап очередного матерого зомби. А может мне снесет башку призм.

– Спасибо за сигару. И за рассказ. Как-то даже не по себе... ты тоскуешь, бродос.

– Это просто моя разрядка от дерьма вокруг – усмехнулся сквозь дым Тон – Твой орк отвлекается бухлом и трахом. Ты добавляешь к этому жесткий насмешливый цинизм. А я... я просто изредка выкуриваю одну сигару и мои люди знают – в этот момент ко мне лучше не подходить. Потому что мыслями я не здесь. Ни хера не здесь. Мыслями я там – сижу в белой рубашке и шортах в соломенном кресле, курю сигару и глажу лежащую на коленях любимую женщину по черным кудрям. Ну еще одну сигару часто выкуриваю под конец очередного витка. Перед конечной остановкой. Я и тебе советую найти что-то подобное.

– Сигара подойдет. Но где достать?

– Купить очень дорого – и не в этих землях. Хотя я получаю их в подарок.

– А система не против курения? Дым, огонь и всякое.

– Нет. Но знаешь – очень многие порой хотят покурить, даже просят огрызок почти дотлевшей сигары, и я отдаю. Но

они покрутят ее в руках, понюхают осторожно дым – и возвращают со смущенной кривой улыбкой. Понимаешь? Им будто что-то не дает закурить. Что-то не дает взять и набрать полный рот ароматного дыма...

– Какой-то ментальный блок...

– Возможно – кивнул Тон.

Пару минут мы просто молча наслаждались сигарами. Пошла кругом голова, по языку растекалась горечь – знакомая горечь. Добавить бы еще капельку янтарного самогона нимфы Копулы...

– Продолжай про наш веселый мир – поощрил меня Тон.

Свесив ноги, он сидел рядом с полусферой наблюдения и, глядя на бегущую навстречу Тропу, наслаждался сигарой. Колоритная и непростая фигура в красной бандане...

– Касты – продолжил я – У каждой свои возможности, свои льготы, свои минусы, своя территория. Этносы вроде сыроедов живут на крохотных островках превращенных в музейную витрину. Их мягко вынуждают жить по их традициям. Пасти оленей, собирать ягоды в цветущей тундре, отправлять немощных стариков на смерть в объятиях Доброй Лиственницы, ловить рыбу, пить чай у костерков, фальшиво кочевать и часто улыбаться. Но они счастливы. Их быт спокоен, они живут долго и сытно. Так как численность этносов мала, а воспроизводиться сами они не могут – система их бережет и потому они как бы на ступеньку выше в ранге чем добросы.

– Да.

– Добросы разбросаны по городкам и селениям побережья с внешней стороны Чистой Тропы. И тут тоже заметны этнические признаки. В Светлом Плесе почти все – беловолосые, со светлой кожей, со своими речевыми выражениями, своей едой. Это почти этнос. Но их целая куча, поэтому и отношение к ним ровное.

– Да.

– Слушай ты ведь и сам все знаешь. И уже говорили. Чего снова жевать? Зачем?

– Затем, чтобы ты понял – сюда все попали по-разному и на разных условиях. Смекаешь?

– Ну мой типа родной этнос – добровольно спасенный.

– Именно. И судя по обрывкам собранной в вечной дороге информации, можно предположить, что века назад это было что-то вроде племени, которое обратилось к Матери – спаси нас! Сохрани нас! Мы этнос! И Мать, все оценив, согласилась. Но само собой на своих условиях – либо принимай, либо вали и подыхай. Понимаешь?

– Условия вроде таких как стирание памяти?

– Да. Стирание памяти, бесплодие, ограничение в правах, назначенная территории обитания и жестко прописанный образ жизни. Этноты получили жизнь и будущее, но за это им пришлось заплатить.

– Как и добросам.

– Да. Но у добросов все чуть проще. Они могут жить как

хотят. Одевать что хотят. Но в целом – да. То же самое. Бесплодие, стирание памяти. Но тут нет общинности. Все выглядит так, будто в свое время будущие добросы обращались к Матери поодиночке и она, оценив их важность-неважность предлагала... м-м-м...

– Предлагала контракт – помог я – Ага. Договор подписанный кровью. Все на тех же условиях – подписывай или подыхай. Кто бы отказался?

– Мать мудра. И мыслит о нашем благе.

– Даже спорить не хочу.

– Но это так! Вспомни о добровольно низших! Их ведь немало!

– Тысячи.

– Вот! И что все были сначала добросами, а потом превратились в низших? Нет! Если доброс совершает преступление – он платит либо сэбами, либо работами, либо же его превращают в призма! Но я никогда не слышал, чтобы добросам понижали статус до добровольно низшего. Одар и его выжившие бойцы – исключение. Да и то в словах Матери не было прямого указания на добровольно низших. Я считаю, что в давние времена, когда Матерью был открыт путь к спасению, она внимательно оценивала каждого, кто обратился к ней с мольбой.

– Оценивала его прошлое? Вряд ли. К психопатам это вполне применительно. Эти даже со стиранием памяти могут рано или поздно вернуться к любимым кровавым делам.

Но если ты в прошлом убийца по случайности? Тоже в низшие?

– Нет-нет, ты не понял. Прошрое твое Матерью тоже оценивалось, само собой. Но я не об этом. Я подвожу речь к сурверам и Зомбилэнду.

– И? О чем ты говоришь? Как система оценивала обратившихся?

– Это же просто, Оди. Ты ведь умен. Подумай. Если ты приходишь и просишь спасти свою жизнь, но при этом ты один из миллиардов обычных людишек. Мелкая рядовая личность не хуже и не лучше других. Что может хоть немного выделить тебя из толпы таких же?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы перебрать варианты и остановиться на самом явном:

– Плата – сказал я – За спасение надо платить. И в зависимости от платы...

– Точно. Мать мудра и добра. Она старается спасти всех. Но при этом стальные стены и небо из воздуха не создать. Нужны материалы. Нужны рабочие руки. Нужны деньги. Обрывки легенд бродят и бродят по дорогам мира. А таборы их собирают и складывают воедино. Плату можно было внести разным путем – работой, деньгами, каким-то имуществом. Поэтому в легендах звучит другое слово. Лепта.

– Лепта?

– Да. Каждый из тех, кто жил здесь, живет ныне или же пока лежит в холодном сне и ждет пробуждения – все они в

свое время внесли Лепту. И у каждого она была своя. Кто-то мог поделиться знаниями, деньгами и был готов поработать. Кто-то мог не больше, чем махать кувалдой.

– Вот теперь сука все стало на свои места – буркнул я мрачно – Вот откуда гребаная гниль и пошла! Неравенство изначально!

– Разве это несправедливо? Все мы жаждем спасения. Но если я пожертвовал Матери огромное имущество, да еще и привез, к примеру сорок-пятьдесят тонн продуктов или медикаментов, а ты всего лишь махал усердно кувалдой – разве мы равны? Ведь я сделал больше! Я дал больше! Моя Лепта больше! Понимаешь?

– Пусть так. Но в этом есть надлом, трещина. А трещинам свойственно со временем становиться глубже. Так о чем речь, Тон? Те, кто махал кувалдой или просто был молод и силен были отправлены в добровольно низшие. Так?

– Да. Я так думаю. И барон Янорло так же думает – мы часто беседуем о прошлом. И многие другие старики думают так же. Время, обрывки сплетен и легенд – все это складывается воедино в не слишком красивую картину нашего прошлого, гоблин Оди.

– Добросы – это скорей всего те, чья Лепта была чуть выше. Так? Они накидали немало сэбов системе, может еще и поработали чуток во имя спасения. И получили статус добросов. Живи себе припеваючи в прибрежном городке, любуйся пейзажами и знай – ты спасен.

– Да.

– Про эльфов и спрашивать боюсь.

– Тут все и так понятно. Высшие это те, кто особенно помог Матери создать этот мир и продолжают ей помогать.

– Наверно...

– И вот теперь о сурверах. Они те, чья Лепта была очень велика. Так говорят они сами при каждом удобном случае. Они похваляются, что еще до того, как попасть сюда, они знали о приближающейся Бедe и делали все, чтобы выжить. Поэтому они и называют себя сурверами – выживающими.

– Это на каком языке?

– Не знаю. Может уже ни на каком. Все искажено и стерто. Сурверы утверждают, что они и сами готовились выжить, прилагая для этого огромные и масштабные усилия. Но позднее они здраво оценили масштаб Беды и поняли, что разумней всего будет примкнуть к Матери. И они якобы сделали предложение, которое Мать отвергла. Это то самое, где «примкнуть». Мать соглашалась принять сурверов и их огромную Лепту, но только на условиях их вливания в общие ряды, а не «примыкания». И начался великий торг. Для создания спасительного мира Матери требовалось огромное количество ресурсов и рабочих рук. Сурверы были готовы предоставить немалую часть этого, но они не хотели быть как все. Мол раз мы платим так много – хотим стать как минимум высшими.

– В эльфы захотели?

– Точно. Но Мать отвергла их притязания. Однако ресурсы были нужны, а сурверы продолжали упираться и торговаться. Посовещавшись, они были согласны на статус пониже, но при этом требовали, чтобы им не стирали память, не лишали их возможности воспроизводства потомства, дали свободу перемещения без ограничений... И снова получили отказ. Никто не знает, чем бы все кончилось, но тут вроде как случился очередной громкий предвестник стремительно приближающейся Беды. И он так впечатлил сурверов, что они резко сократили свой лист хотелок. Мать отредактировала его еще немного и договор был заключен.

– Какой именно?

– Кто знает? Сурверы много болтают и любят хвалиться. Но и секреты свои хранить умеют. Из мелочей известных – при «рождении» очередного сурвера ему предоставляется информация о их статусе и важности. Вот тебе хоть что-то сообщили, когда ты открыл глаза там на Украине?

– Нихрена.

– Бродосам Мать при рождении говорит, что на нас возложена великая честь и обязанность охранять и оберегать Чистую Тропу, верой и правдой служить миру.

– Ого.

– А сурверам рассказывают, что в прошлом они внесли немалую лепту в спасение мира и так далее. Сам понимаешь – эго растет мгновенно.

– Ну да. Родился гоблином, а тебе на ушко шепчут – да

ты не гоблин, ты прямо сука герой!

– Точно.

– А в чем они обманули систему?

– Никто не знает. Хотя сурверы это отрицают. Но точно что-то было раз Мать превратила их в заключенных королей. Их крепости – персональные тюрьмы, что высятся в Зомбилэнде. Там много воды – ручьи, озера, затопленные луга. А крепости сурверов выглядят бетонными кочками поросшими лишайником и деревьями. Когда поднимается туман Зомбилэнд выглядит болотом. Отсюда и прозвище болотники.

– А почему их называют ждунами?

– Потому что вся их жизнь – одно гребанное ожидание. Они не могут путешествовать, а из-за мести Матери они не могут надолго покидать свои личные бункеры.

– Как ты сказал? Личные бункеры?

– Да. Молва любит все волшебное, поэтому их называют властителями замков, лордами крепостей, рыцарями бетонных холмов и прочей хренью. Но по сути – это просто бункеры. Максимально защищенная среда обитания. Рассчитанная на одного человека по площади и прочему.

– В каждом бункере только один сурвер?

– Ага – Тон с усмешкой пыхнул дымом – Точно.

– И сколько всего этих бункеров?

– Одиннадцать.

– Я не ослышался?

– Не-а. Одиннадцать крепостей сурверов на весь мир и все они в Зомбилэнде. Дополнительная мечь Матери – мало того, что они привязаны намертво к своим бункерам, так еще и вокруг бродят огромные толпы голодных зомби.

– Вот дерьмо.... И их численность не меняется?

– Нет. Умирает один сурвер – его сменяет следующий. Раньше их было двенадцать. Но благодаря действиям Однара на одну крепость стало меньше.

– И система не восстановила разрушенный бункер?

– Нет.

– А второй вскрытый ими бункер?

– Тот сурвер выжил. И тот бункер был починен.

– Всего одиннадцать сурверов. Так чем они страшны? И чем так ненавистны?

– Никто не знает. А сами сурверы отрицают любой обман со своей стороны. И правят Зомбилэндом.

– Как?

– Сэбы, Оди. Сэбы. У сурверов всегда есть деньги. А еще на их территории зомби – это зомби. На них можно и нужно охотиться. Не как мы. Ведь мы серьезно раним и уродуем, после чего трамбуем в морозилку и везем сюда. Мы убиваем зомбаков только вынужденно – когда нет другого выбора. И Мать наблюдает. Если заметит, что мы снесли башку какому-нибудь упырю без веской необходимости – табор нарвется на штрафы. Поэтому мы всегда ходим по грани. И предпочитаем не убивать зомби даже в реально опасных случаях.

– А что за штрафы?

– К примеру не прилетит очередной дрон с пополнением боезапаса.

– Понял. А когда Мать не видит?

– Ну что ты, Оди – Тон покосился на полусферу у его бед-

ра – Мы всегда стараемся спасти жизнь зараженного гнилью. Ведь они ни в чем не виноваты. Они не преступники.

– Ага. Уяснил. А Зомбилэнд?

– В Зомбилэнде их уничтожают по-настоящему. Отрубают головы, сжигают. Одним словом – ликвидируют.

– Зомбилэнд – фабрика по законному уничтожению зомби под управлением сурверов?

– В точку.

– Это звучит как гребаный бред. Да это и есть гребаный бред!

– Мать не может излечить большую часть зомби. Когда гниль попадает в мозг... Но не может и убить их или поместить в хладный сон – за что? Но Зомбилэнд не под ее властью. Там правят сурверы. И они указали, что зомби есть твари кровожадные и лютые, которых нужно уничтожать беспощадно. И уничтожают.

– Сами?

– Крайне редко – Тон прищурился – Зачем самим? Ведь всегда можно нанять на опасную кровавую работенку тех, кто прямо мечтает стать настоящим героем. Сурверы платят, Мать ведет статистику и повышает статус особо отлич-

чившимся.

– Но ведь добросы убивают больных людей.

– Как это? – бродос удивленно распахнул глаза – Что ты такое говоришь крамольное, гоблин Оди? Ведь законные властители тех земель сурверы четко и ясно сказали – это твари. Убивайте их смело!

– Голова заболела – признался я – От переизбытка бреда.

– Это скорее не бред, а лазейка.

– Законный способ обойти гражданские права зомби?

– Угу. Сурверы эти права нивелируют напрочь. На их землях у зомби нет прав.

– А раз они там твари – чего вы им мертвечину везете?

– Как это? Мы везем провиант подходящий по качеству и питательным качествам для нами же транспортируемых же больных людей – тонко усмехнулся Тон – Наша задача доставить и выгрузить. И все.

– Они правят вместе? Единая власть? Или каждый сам за себя?

– В точку! Зомбилэнд поделен на одиннадцать частей и в центре каждой – бункер. Там будущие герои и получают задания. Прокрадываются к одному из бункеров, договариваются с сурвером, получают задание – Мать следит и получает копию каждого такого договора – убивают зомбаков или же выполняют что иное. После чего будущие герои получают награду, а может и повышение статуса. Такая вот безостановочная веселая мясорубка по переработке зомби-мяса. Са-

ма Мать тоже выдает задания на территории Зомбилэнда – но ее задания не связаны с убийствами зомби насколько мне известно.

– А живут будущие герои в Уголке?

– Верно. Городок у самых врат Зомбилэнда. Там добросы с амбициями спят, пьют, трахаются, лечатся, снаряжаются, собирают группы и целые отряды. А потом входят в Зомбилэнд и начинается очередной раунд.

– И много свежей зомбятины прибывает в Зомбилэнд?

– Много. И с каждым разом все больше – помрачнел Тон – Не переживай, гоблин. На твою долю хватит.

– Ну и отлично. Что за территория в Зомбилэнде?

– Огромный кусок частично затопленной земли огражденной со всех сторон мощными стенами. Один вход, один выход. Где-то в центре этой территории немалый комплекс больничных зданий. Зброшенных, само собой. И санаторий рядом. Вокруг растут буки...

– Нахрена?

– Ну как? Мы же везем людей лечиться... было бы странно, вези мы их туда, где нет больницы и санатория, верно?

Беззвучно рассмеявшись, я покрутил головой, скрывая горькую усмешку. Дерьмо!

– Что еще по Зомбилэнду?

– Больше ничего не знаю. Не забывай – мы бродосы живем слухами. Сам я там никогда не был.

– А по Уголку что знаешь?

– Уши срежут – не заметишь. В углу темном убьют – и всем насрать. Плохое место. Денежное. Умело действуя можно много чего найти. Есть несколько трактиров, рынков. Огромный навес, что частично стоит над морем. Под навесом куча коек, которые можно арендовать. Есть и места вроде гостиниц – жилые капсулы, охрана и прочее. Есть площадь с торгматами под разные статусы. Но стоящую пушку лучше покупать у знающего оружейника.

– Посоветуешь такого?

– Ждал, когда ты спросишь. Но нет, откуда мне знать такого? – говоря это, Тон вложил мне в ладонь клочок бумаги – Знал бы – назвал бы несколько имен.

– Спасибо – поблагодарил я, бережно убирая бумажку поглубже в карман.

– Там все ублюдки и ублюдками погоняют. Никому нельзя верить. Все мечтают стать героями, все видят в других конкурентов. А местные видят в тебе кошелек с сэбами.

– Прибываем! – этот крик донесся спереди и был переполнен радостью.

Вскинув голову, я увидел, как Чистая Тропа резко изгибается, долгим поворотом уходя к морю и обходя высоченную бетонную стену уходящую почти до стальных небес. На стене огромными красными буквами было написано «Лечебница Тихие Буки». А там, где Тропа почти доходила до моря и снова начинала тянуться вдоль берега, виднелись какие-то уродливые постройки.

– Вот и прибыли – проворчал Тон, вставая – Уголек и Зомбилэнд. Добро пожаловать, гоблин.

Скользя взглядом по мрачной бетонной стене, я лишь покачал головой:

– Этот мир безумен. Как говорила одна тупая гоблинша – лопнуть и сдохнуть, сука, лопнуть и сдохнуть...

– Мы высадим вас вон там – бродос указал на появившийся на холме пятачок безопасности – Нам там сворачивать с Тропы к приемному шлюзу.

– Разгрузка зомби?

– Точно. А вам напрямик к морю. От пятачка идет каменистая тропинка. Там было несколько пилонов наблюдения, но насколько я помню их давно расколотили. Мать там слепа, гоблин. Бойся. В Уголке любят встречать свежее мясо хорошим ударом ножа в живот.

– Спасибо.

– И удачи тебе, гоблин. Тебе и твоим бойцам. Она вам понадобится. Зомбилэнд мясорубка не только для зомби, но и для героев.

– Запомню. Что-нибудь еще?

– Да. Закупитесь едой и прочим в торгматах табора.

– В Уголке их нет?

– Есть. Но цены там бешеные – задраны раза в три. Так что тратьте все у нас. Излишки сможете продать там и зарабатывать.

– Понял. Спасибо!

– Не сдохните – пожелал мне на прощание бродос Тон, вкладывая в руку еще две сигары – Может и глупо, но я верю, что ты не просто так вылез из жопы мира, гоблин. Так что не сдохните.

– Еще свидимся на Тропе, бродос Тон. И может я однажды сделаю тебе интересное предложение.

– Предложение он мне сделает... Мой совет – ведите себя спокойно первое время. Не задирайтесь, не проявляйте агрессии, присмотритесь.

– Конечно! Я всегда себя так и веду – добро, мило, осмотрительно.

Глава вторая

Высадивший нас табор ушел.

Первым спустившись по гроыхающей под ногами железной лестнице, я оказался в начале узкой тропинки, что, петляя, спускалась с холма и разрезала большой луг, ведя между валунов к морю и городским постройками.

– Куда претесь, суки? – хрипло спросил вылезший из-за камня какой-то сонный хмырь с топором в руках. Одет в тряпье, вокруг шеи что-то намотано. За хмырем еще трое – и откуда повылазили?

– Кто тут сука, сука? – спросил я, нажимая спуск.

– Хык! – сказал хмырь и схватился за пробитый иглой живот.

– Рюкзаки снять, хренососы! – эту команду проблеял чернокожий ушлепок, стоящий рядом с боссом. Проблеял на автомате – еще не осознав, что правила любимой игры изменились.

Щелк.

Этот получил иглу в горло. Захрипев, бросился бежать к морю. Я не стал мешать желающему последний раз искупаться и всадил по три иглы в оставшихся двух – один схватился за игстрел, другой за что-то вроде стреляющего электрошокера.

– Дом милый дом – улыбнулся я, шагая на звуки судорож-

ного скуления – Ну наконец-то день нормально начался...

– А мне кого-нибудь убить? – обиделся Рэк.

– Догони во-о-он того – указал я на продолжающего удаляться чернокожего.

– Живьем тащить?

– Нахрена?

– Точно... эй! Ах ты сука рыжая! Стой! – провопив это, Рэк что есть мочи рванул за Джоранн, что с ножом в руках устремилась за убегающим подранком – Он мой! Вот сука, а!

С молчаливым одобрением проводив взглядом их гонку, чуть иначе глянул на призма, что спокойно себе стоял на нижней ступеньке и вяло тарасился на дохляков и подранков. Поймав мой взгляд, чуть ожил и пояснил:

– Мне потом от крови чиститься тяжело.

Я кивнул, принимая отмазку.

Может и не соврал. Или это еще один животный инстинкт – с чего охотиться, если пузо и так полное?

Размышляя я над этим уже на ходу, с хрустом давя тропинку выстиранными и начищенными тяжелыми ботинками. Даже несмотря на тренировку мы нашли время для проведения тотального осмотра всех личных вещей, оружия и снаряжения. Все привели в полный порядок. Я даже клыки всем самолично осмотрел и Рэка загнал в медблок, где он выпросил у системы чистку зуба и пломбирование, уплатив за все удовольствие несколько сэбов. Я хотел, чтобы к моменту прибытия в Зомбилэнд вся команда была в полном порядке.

Остановившись рядом со скулящим дебилом, присел и со свойственной мне добротой участливо поинтересовался:

– Как ты, сука?

– Слушай... – заторопился хмырь успевший растерять всю сонливость, но сохранивший на щеке отпечаток какой-то ткани. На самом деле кемарил в укрытии.

– Проверь за камнем, осмотри трупы, все стаскивай в кучи – велел я Хвану – Карманы проверяй тщательно.

Призм с крайней задумчивостью осмотрел свои неприкрытые лезвия, пару раз согнул их в локтях и бодро зашагал выполнять поручения. Я же извиняющееся улыбнулся страдающему:

– Прислушал ненароком. Не повторишь?

– Не убивайте. Душу кладу зомби в пасть – предьяв в будущем не будет. И есть у меня небольшой тайничок у самого Уголька. Чуток наркоты... ох... чуток лекарств... одежда и обувь разная... ох...

– Скольких уже убил? – спросил я, убрав улыбку с лица – Скольких подстерегли и грохнули? Много могил найду, если вокруг поищу?

– Да не... первый раз на промысел... Душу зомби в пасть, мужик! Хотели чуть сэбов раздобыть. Ох... боезапас купить, аптечки пополнить. Чтобы было с чем туда соваться – побелевшая лапа вяло дернулась в сторону доминирующей над скудно поросшей прибрежной пустошью стены Зомбилэнда – Там без запасов туго. Очень туго!

– Скольких убили?! – мой голос жестко лязгнул, хмырь невольно дернулся, захрипел, боязливо заглянул мне в глаза... и понял...

Оскалившись, прошипел:

– Ну и хрен с ним! Сладко пожить успел! От пуза жрал, до жопы пил!

– Может и так – кивнул я, нанося ему короткий тычковый удар ножом в живот, заодно глубоко полоснув по пальцам правой руки.

Хмырь заорал. А я деловито собрал его оружие, срезал поясную сумку, после чего пошел к Хвану, который занимался вспарыванием и разрыванием каждого обнаруженного кармана. Потихоньку приспосабливается... Мне вслед донеслось булькающее:

– Сука добей! Добей меня!

– А ты о камень жопой стукнись – посоветовал я, не обращившись – И смерть придет.

– Добей, сука! А-а-а! Добей! Добей! Добей!

Не обращая больше внимания на бьющегося хренососа, осмотрел найденные Хваном предметы и скривился. Ничего стоящего. Ожидаемо. У этих недоносков и не могло быть ничего ценного. По испитым рожам видно. Если это герои... то этому миру полная жопа в самое ближайшее время.

– Командир! – в голосе Хвана звучало удивление – Глянька...

– Че там?

Призмы вытянул в мою сторону правое лезвие. На одном из шипов трепыхался пластиковый листок. Содрав, повернулся спиной к ветру, изучил буквы и рисунок.

Рисунок изображал полуголого накачанного мужика с огромным автоматом в руках. Мужик стоял на горе дохлых зомби и победно скалился. Сверху банальный вопрос «Хочешь стать героем? Само собой!». А под рисунком: «Сурвер Форлаф Старый научит! Третья крепость! Всегда на связи!».

– Гы-гы-гы, уссаться? – вопросительно глянул на меня призм.

– А хрен его знает – признался я и повернулся к агонизирующему хмырю – Эй! Листовка дельная?! Старый хрен научит?!

– А-А-А-А-А!

– Заткни пасть! – взорвался злобным воплем подошедший Рэк и с размаху наградил скрюченного хмыря пинком по бедру.

– Она успела первой – подытожил я, выпуская листовку из пальцев и позволяя ей улететь.

– Тьфу! – буркнул орк и с надеждой глянул на истекающего у его ног кровью бедолагу.

– Этот пусть сам – остановил я его.

Тяжко вздохнув, орк заметил, как вздрогнул один из лежащих у камней бандитов и с надеждой потрусил туда. От моря донесся захлебывающийся вой. Джоранн работала. Глянув в сторону мелких прибрежных пологих дюн, я увидел

ликующе приплясывающую женскую фигурку и едва-едва переставляющую ноги скрюченную жертву продолжающую безнадежную попытку спастись. Она ему сделала так больно, что он снова обрел возможность вопить – и это с простреленным горлом. Нагнувшись, Джоранн подхватила камень и с размаху швырнула в спину бредущего. Того аж выгнуло, и он рухнул с новым воплем.

– Детство, детство – пробормотал я, заглядывая внутрь одного из рюкзаков.

Там обнаружилась закопченная кастрюля, а внутри свертки с продуктами. Рис, пара кусков вяленого мяса, какая-то зелень и вроде бы клубни сладкого картофеля. Батат?

– До... до... добейте, суки... – проклекотал умирающий хмырь – Умо... умоляю... у...

Глаза закатились, и он расслабился, распластавшись на земле.

– Еще жив, но одной ногой он уже там. И скоро створка сомкн... – заговорил вдруг Хван, но его перебил орк.

– Где там? – буркнул повеселевший Рэк, убирая лапы с горла теперь уж точно дохлого бандита – И если одна нога здесь, а другая там – то по какому месту шибанет створка? Эй! Коматозный! Береги яйца в пути!

Разведя лезвиями, призм скорбно покачал головой, а затем продолжил потрошить рюкзак, выбрасывая одну за другой тряпки, ложки, свернутое одеяло...

Бытовушное и скучное.

Может хотя бы их оружие порадует мою душу?

Первым трофеем оказался стандартный игстрел – копия моего. Не знаю модернизирован ли, как мой, но выглядит сильно потрепанным жизнью. Да еще и покрыт коркой солевой грязи. Надо было прострелить его владельцу яйца. На нажатие на спуск игстрел не отреагировал. Тяжело вздохнув, отложил его на камень – прихватим с собой и сдадим системе. Вдруг нас торжественно наградят пудингом за гражданскую сознательность? Электрошокер оказался интересней – пистолетная рукоять, хищно поблескивающие зубцами контакты.

– Ты электричество как переносишь? – мирно спросил я Хвана, крутя девайс в руках.

Вместо ответа призм с похвальной скоростью нырнул через валун и пропал из виду. Обернувшись, я обнаружил, что Рэк бесследно исчез. Зато умиравший хмырь вроде как пришел в себя и даже осмысленно глядел на меня, беззвучно что-то говоря быстро бледнеющими губами. Прицелившись, я вжал спусковую скобу. С треском контакты электрошокера отстрелились и умчались к никак не могущему сдохнуть ублюдку.

– Ы-Ы-Ы-Ы!

– Работает – подытожил я – О... и этотдохнетнаконец-то...

– Спас-сибо... – прошелестел хмырь и окончательно за-тих.

Из-за валуна осторожно высунули головы призм и Рэк.

– За скорость хвалю, за нежелание помочь порицаю – при-
ветствовал я их – Соберите россыпь ножей и двинулись даль-
ше.

Бойцы скромно заулыбались.

– Командир! – взбодренный прыжками и страхом перед
шокером призм уже не выглядел вялым. Наоборот – прямо
лучился энергией – Консерва! Вот! Даже две. Валялись за
валунами.

Он выставил перед собой полусомкнутые лезвия, удержи-
вая между ними две чуть сплющенные... консервные банки.

– Их только-только вскрыли! Запах башку кружит... су-
ки... могли бы чуть оставить. Чтобы их покарало!

Покосившись на лежащих на песке бандитов, которых уже
«покарало», подхватил грязный игстрел и бросил его орку,
пояснив:

– Привыкай к оружию. Всю дорогу до города топай с ним
в руках, перехватывай, подбрасывай и лови, оглаживай, при-
кладывай к прикладу и как бы стреляй от бедра. Можешь
залечь пару раз среди камней.

– Сделаю. Пушка – это вещь.

Тут я спорить с ним не собирался. Смотав провода элект-
рошокера нажатием кнопки, повесил игрушку на пояс и за-
нялся осмотром зажатых между лезвий банок. С одной сто-
роны название. С другой рисунок.

– Ананасы консервированные. Высший сорт – прочитал я

на одной.

Призм судорожно сглотнул. Щелкнули жвала.

– Персики консервированные. Высший сорт.

Жвала застучали с бешеной скоростью, застонали сжимаемые лезвиями банки. Но я успел разглядеть один и тот же рисунок на каждой консерве – лесной фон, торчащий из земли черный купол, стоящий рядом человек в зеленом комбезе, выставивший оттопыренный большой палец и лучезарно улыбающийся. И надпись под рисунком «Бункерное снабжение».

– А на фруктовых консервах вообще такое пишут? – спросил я, закончив осмотр жестянок – Второй сорт там, высший сорт? Странно звучит.

– Вот разве это важно? – горестно поник Хван – Почему эти суки не могли чуть подождать и сдохнуть до того как сожрут персики?! Оставили хотя бы ананасы!

– Пошли – фыркнул я.

– Рэк. Помоги убрать банки и прочее их жестяное, пластиковое и стеклянное дерьмо мне в заплечку.

«Заплечкой» Хван называл не рюкзак, что висел между лопаток, а крепкий небольшой мешок закрепленный чуть ниже. Мешок использовала Джоранн, транспортируя в нем какие-то личные вещи, бутылки с водой и запас вкусняшек для Хвана. Ну и косметичку там таскала купленную у бродосов в торгмате. Мы отнеслись к этому с пониманием и чуть ли не с завистью – Хван силен как муравей и дополнитель-

ную тяжесть даже не замечает, зато мелочевка всегда под рукой. Вот в этот мешок он и просил Рэка убрать пустые банки и прочее их дерьмо.

– Нахрена? – изумился орк – Брось так. Вон к тому камню.

– Джоранн говорит, что вот так и был погублен наш прежний мир. Говорит, что все дерьмо началось, когда первый тупорылый ублюдок бросил в канаву стеклянную бутылку.

– Да чушь!

– Не чушь! – звонкий голос рыжей кобылки был переполнен удовлетворением и сытостью.

Даже не сбив дыхание после пробежки, без единого пятнышка крови на коже или одежде, она лучилась радостной улыбкой и протягивала мне небольшой рюкзак и поясную сумку:

– Трофеи, командир.

Кивнув, я принял дар, взвесил в руке и заинтересованно опустил на землю. Увесист для столь малого размера. Открывая клапан, прислушивался к диалогу бойцов.

– На кой хрен носить две консервные банки, когда мы тут кучу трупов бросили на луговую зелень?

– Зелени это только на благо! Удобрение! Тела бы порубить в лапшу, чтобы быстрее почвой переварилось. Часть будет съедена животным, птицами и насекомыми. Часть уйдет в землю. Круговорот жизни!

– В голове у тебя круговорот!

– Ты хочешь жить на ядовитой помойке в будущем? Ви-

деть на побережьях метровый слой пластикового мусора выброшенный океаном? Видеть мертвых рыб? На каждом шагу ощущать вонь разложения? Ты в таком мире хочешь жить?

– Да мне насрать! Пусть так! Ты мне кусок мяса жареного на тарелку брось, стопку самогона рядом поставь – и мне плевать на помойке я буду жрать или посреди этого зеленого лужка, удобренного тупыми ушлепками! Командир! Она мне мозги пытается эхохренью промыть!

– Да я люблю природу! И уважаю!

– Да в тебя эльфы кончили! Вот ты и начала ее любить! У!

Орк рухнул на землю, пропуская над головой камень. Я не обратил внимания. И на них, и на Хвана, что шажок за шажком подкрадывался ко мне сбоку и с тихой надеждой спрашивал:

– Есть, а? Ну есть или как? А?

Поднявшись, я вытащил из рюкзака полулитровую жестяную банку. Задумчиво прочитал уже знакомое название:

– Персики консервированные. Высший сорт. Бункерное снабжение. Джоранн! Хватит щепнем швыряться!

– Он! Он! И ведь такое послесмертное настроение мне испортил!

– Вот тебе банка с персиками. Подари Хвану рай.

– Рай я ему вчера подарила – чарующе улыбнулась Джоранн.

Призм скромно потупился, ласково поглаживая банку персиков кончиком лезвия. На жести оставалась глубокая

борозда и пришлось отодвинуть заветную консерву подальше. Передав персики рыжей, я прошелся по участку тропы, огляделся, после чего вздохнул и начал собирать мусор.

– Тащить будем? – почесывая ушибленное камнем предплечье понял меня орк, не выглядя особо опечаленным.

– Сложим поверх трупов горкой.

– Если трупы оттащить и сдать системе, то может по пятерке сэбов обломится. Мы же считай на нуле.

У каждого из нас на счетах осталось по десятке сэбов. Помня слова Тона о том, что в Уголке все втридорога, с запасом закупили пищевых рационов, белковых батончиков, изотоников, энергетиков, бинтов, медицинского клея, антисептического спрея, трусов, носков и прочей важной мелочевки. И больше бы купили – да деньги кончились. Тяжесть за плечами меня не волновала. Только радовала. А перед укладкой своей части груза в рюкзак, глядя на эти кубики, брикеты и таблетки, невольно вспомнил нашу закладку там – на Окраине. Не пригодилось. Однажды капсула откроется и какому-нибудь гоблину обломится большая удача...

Тащить трупы несколько километров до города? Каждому по трупу. Вроде бы есть пословица, что каждый из убитых тобой будет преследовать тебе вечно? Или нет? Остро захотелось рассосать под языком кусочек серой таблетки, но порыв я удержал. Голова нужна свежая – как упоминал бродос в одном из наших разговоров, в Уголке собираются не только обычные добросы, что хотят стать героями. Тут нема-

ло самого настоящего сброда – большей частью преступники ушедшие от наказания. И преступники, получившие наказание – призмы всех мастей. Зомбилэнд место дерьмовое, но оно дает шанс начать новую жизнь путем боевых заслуг, что приведут к повышению статуса, а порой система может и «снять» с тебя метку преступника. Вроде все отлично – убивай лютых тварей, очищай мир и даровано тебе будет искупление грехов. Но, по сути, они как крысы в бочке. Возможно все не так плохо, но с мемвасом спешить пока не стану.

– Трупы оставим – принял я решение – Еще вопрос как система воспримет этих жмуриков. Наше слово против трупов...

– Ну и хрен с ним – легко согласился Рэк и заторопился к согнувшимся над камушком бойцам – И мне персик!

– Пошел вон! – четко и внятно ответила Джоранн, но мало восприимчивый орк не особо впечатлился и все же вклинился между ними.

– Ну зачем тебе персик, харя? – обиженно заныл Хван.

– Эй! – возмутился Рэк – Мы же с тобой почти братья! Я руку по локоть тебе в жопу засовывал, помнишь?!

– О-о-о... – округлила ротик рыжая.

– В трещину! – застрекотал призм – В трещину кокона ты руку засовывал!

– Да я видел, как ты трупы гнилые рассасывал! Вот твои персики – такие же сочные, влажные, сладкие и легко лопающиеся! Иди и жри их! Вон лежат жопами кверху!

– Отвали от банки! Командир ее нам отдал!

– Дай персик или я всю банку опрокину! Уже опрокидываю!

– Стой! Стой, харя!

– И компотику дай хлебнуть!

– Это уже перебор!

– Три минуты – буркнул я, успев собрать все дерьмо в кучу – и трупы и их вещи. Очистив руки песком, задумчиво подержал кисти под бьющей из одного валуна прозрачной струйкой воды. Над отверстием выбитый на камне рисунок – губы с прижатым к ним стаканом. Стало быть, водичка питьевая. По узкому каменистому руслу выливающаяся вода пробегает метров десять и вливается в ручеек пошире, что в свою очередь устремляется к морю.

Дерьмо... ведь было же здесь когда-то красиво. Было!

Одного взгляда достаточно, чтобы это понять. Если снести уродливую бетонную стену Зомбилэнда, то вокруг меня – изумительный прибрежный пейзаж. Пусть растительность скудная, но это выглядит естественно. Чистый светлый песок, мелкие камни и громадные валуны, желто-зеленый кустарник, кое-какие цветы, море за пологими дюнами, парочка невысоких колючих деревьев на холмах... здесь красиво! Здесь все создано для неспешного любования. И тропинки тут эти не случайно. Все продумано – вон как извивается одна, как от нее отходит и ведет к морю вторая. Немного устал в походе по окрестностям Чистой Тропы? Не беда!

Сбросил с плеч ремни рюкзака, сел на нагретый искусственным солнцем камешек, выпил водицы, разжевал пару батончиков, чтобы восполнить силы, посидел, впитывая в себя радость и спокойствия бытия...

Так было когда-то.

А теперь здесь бетонная стена за спиной и гора трупов между мной и красивым пейзажем...

Не знаю как бойцы поделили персики, но, когда мы зашагали дальше, выглядели они довольными. Упертая Джоранн все же сгрузила некоторое количество мусора в «заплечку» Хвана, туда же бросив одну из двух найденных мною в том же рюкзаке крекеров.

Вторую пачку я распотрошил и жевал на ходу, поделившись с остальными и не забыв прочесть название. И снова – крекеры соленые, высший сорт, бункерное снабжение.

Понятно, что раз снабжают бункеры – то это жрачка сурверов. Так ведь?

Что есть бункер? Это максимально защищенное от всех природных и военных невзгод убежище. Но даже сидя в безопасности тебе не избежать голода и жажды. И вот выход из положения – бункерное снабжение. Галеты, фруктовые консервы. Причем в таком количестве, что их можно найти даже в рюкзаках местного отребья. Значит не такая уж и редкость. Хотя может и ошибаюсь – ведь первым делом эти гоблины сожрали консервы, а собственные запасы обычных продуктов не тронули. С готовкой проблем возникнуть не могло –

пару минут назад мы миновали окруженную валунами полянку рядом с тропинкой. Посреди полянки два выложенных из камней круга – очаги газовых костерков. И полянку не видно от начала тропинки, так что один из четверки дебилов мог бы спокойно заняться готовкой. Но ананасы, наверное, вкуснее.

Тряхнув по привычке головой, я выбросил из мыслей четверку дохляков. И предпочел погрузиться в воспоминания о разговорах с Тоном. Что он еще говорил о Угольке? Что-то про переработку живого дерьма...

«– Мать не любит неправильных, Оди.

– Неправильных?

– Вроде тебя, к примеру. Тех, кто не вписывается в прописанные ею каноны. Понимаешь?

– Не слишком.

– Ну посуди – вот та рыжая родилась в городке Светлый Плес. Правильно?

– Верно.

– И что от нее ожидала Мать?

– Оседлости? Чтобы она как все прожила в том тихом городке всю свою жизнь и не мечтала о большем? Чтобы усердно выполняла задания системы, а свободное время проводила в прогулках и потрахушках с каким-нибудь местным пареньком?

– Именно! Джоранн должна была прожить всю свою жизнь в Светлом Плесе и мирно умереть от старости. Это

и есть обещанное Матерью благополучие! Вокруг красотища природная! Море шумит! Сосны качаются! Еды и питья вдоволь. Воздух чистый. Дыши вволю. Живи спокойно! Но нет... что-то в твоей рыжей перемкнуло и ее потянуло искать приключения. Матери такое не по душе, гоблин. Джоранн – овечка отбившаяся от стада. А это плохо. Потому что добросы должны оставаться овечками – мирными и пушистыми блеющими травоядными созданиями. И если внезапно овца вдруг начинает мутить воду в родном поселении, задавать ненужные вопросы, подбивать других на странные поступки, потом ударяется в путешествие, а по пути начинает смело мочить копытца в чужой крови... это сбой.

– Системный сбой – кивнул я – Да. Волк в овечьей шкуре.

– Точно. И что с такими делать?

– Ты ведь ответишь за меня?

– Отвечу. Таким вот не знающим покоя дурным задницам надо дать малое – шанс умереть или же обжечься так сильно, чтобы сами захотели побыстрее вернуться на родной лужок. И Зомбилэнд куда вы направляетесь – как раз такое место. Фабрика, что перерабатывает в мясо не только зомби, но и тех, кому не по душе ровная и спокойная жизнь в родных местах. Все бунтари рано или поздно умрут. А мирные овечки продолжают спокойно пастись на родных пастбищах, и никто не будет подкидывать их отупелым сонным мозгам ненужные вопросы.

– И какой верг будет отзываться о добросах как о тупых

овцах?

– Тот, кто хочет, чтобы они спокойно прожили долгий век и умерли от старости. А не сдохли где-нибудь в грязи пожранными зомби или диким зверьем.

– Бунтари сдохнут в Зомбилэнде. Звучит красиво... а если не сдохнут? А превратятся в героев?

– Знаешь почему героев всегда не хватает?

– Удиви.

– Потому что они дохнут как мухи. Стать героем нелегко. А потерять этот статус очень просто! Мать не прощает трусости и лени. Прикажет – сдохни, но сделай. Запомнил, гоблин? Вот девиз настоящих героев – сдохни, но сделай. Иначе мигом скатишься до обычного доброса.

– Это где же такая смертность?

– Хватает мест. И с каждым годом их все больше. Поверь – ты может еще пожалеешь, что решил стать героем. Уж лучше прожить долгий век тусклой овцой, чем ярко полыхнуть всего на мгновение!

– Тусклой овцой... не... не мой вариант.

– Дурак ты, гоблин. Ну или безумец...».

Мерно шагая по тропинке, что стала чуть шире, я не сводил глаз с бетонной стены Зомбилэнда.

Очень скоро узнаем кто я такой – герой, дурак или безумец.

Уголек встретил нас неприглядностью.

Да и начался городок как-то незаметно.

Тропинка выпрямилась, превратилась в утоптанную дорожку, на обочинах появились обломки некогда стоявших тут уродливых построек, возведенных из подручного материала. Каменные блоки, природные камни, палки, кривые бревна, полотнища пластика. Кто-то безуспешно старался прижиться тут на отшибе. Покинутые жилища долго не простояли, рухнув под натиском непогоды и жадных рук, что растащили большую часть.

Протопав еще пятьдесят шагов, мы оказались рядом с мертво вбитым в землю стальным рельсом, окрашенным в красную полоску. Сначала я подумал, что это нечто вроде официальной границы, но затем увидел стальную колонну вздымающуюся на пятнадцать метров к небу. На колонне уродливая грибная шляпка полусферы наблюдения. Вокруг колонны – такие же полосатые рельсы. И несколько табличек с пояснением:

«Не подходить! Огонь на поражение!».

С каких это пор система так рьяно защищает свои электронные глазки?

Вокруг колонны хаотично разбиты палатки. Чуть поодаль десятков стоящих впритык туалетных кабинок. Выглядит все

так, будто сначала здесь появились тенты и палатки, потом местность вокруг засрала, а затем разозлившаяся система установила тут туалеты и обеспечила свое постоянное присутствие – чтобы контролировать процесс дефекации грязных гоблинов.

Но это еще был не город.

Вход в Уголек мы увидели сразу за палатками. Тусклая металлическая арка поднималась над тропинкой, невысокая каменная стеночка отходила от бетонной махины Зомбилэнда и полукругом бежала к морю. Сам город, судя по рассказу Тона и по тому, что я видел сейчас, этакой пухлой сарделькой втиснулся между Зомбилэндом и морем. Хотя втиснуться не удалось – и часть построек была возведена над водой. С этой точки тропинки мы видели стоящую на мелководье крытую платформу. Я даже видел тесно стоящие на платформе многоярусные койки и сидящих на перилах гоблинов с удочками.

Гоблинов было много. И что-то незаметно, чтобы они तोпились истреблять зомбаков. Тут налицо безделье и полное нежелание становиться героями. Или это brave герои на отдыхе? Истребили с раннего утра по десятку зомби каждый и сидят теперь отрешенно... Нет. Судя по рванью на них – непохожи они на героев.

– Кто такие будете? – из палатки лениво вылез некто бородастый, пытающийся втянуть отвислое брюхо и показать себя бугаем – Спойте-ка живо докладик!

– Пошел нахер! – «доложил» Рэк, скобля трофейный бесполезный игстрел подобранной веточкой.

– Доклад принял – верно сориентировался «бугай», жопой вперед втягиваясь в палатку – Хера себе бабуины резкие...

– Че ты вякнул? – не пропустил это мимо ушей конфликтный орк, небрежно пиная хлипкую палатку из штопанного брезента.

– Все! Все! Неудачно пошутил! Добро пожаловать в Уголек, гости дорогие! Мы рады вам!

– Деньги есть? – не отставал Рэк.

– Охерели?! Это вы здесь новые! Вы проставляться должны!

– Ты не ответил, гнида. Выстрелить сквозь палатку? Я орк двойственный – попаду либо в жопу, либо в мозг! По-другому не бывает...

– Хватит ворошить мусор, Рэк – поморщился я, невольно вдохнув исходящую от палатки кислую вонь – Вперед.

Покопавшись в кармане, достал врученный Тоном список и еще раз перечитал несколько строк.

«Дон Вудро – оружейник. Продаст, починит, купит. Ларка Плоская – оружейник, снаряжение. Продаст, починит. Блевотный Джо – торгует всяким. Любит поговорить. Всем трим можешь сказать, что ты от меня».

– Смерть вам! – провопила чертиком выскочившая из скобоченной заброшенной на вид палатки какая-то баба – Сме...

Призм ударил инстинктивно. И неряшливой бабе повезло, что он ударил ногой в тяжелом ботинке, а не полоснул лезвием. Ее оттолкнуло и повалило на палатку. Забившись в пластике и брезенте, запутавшись в растяжках, она зашлась диким кашляющим смехом:

– Смерть вам там! Смерть! Она пожрала мою группу! Она почти сожрала меня! Она пожрет и вас! Смерть в том темном королевстве! И не поможет вам волшба! Ведь зомби не страшны улыбки! И им плевать на иглы в брюхе! И им настрять на все слова! Вы сдохнете! Вам не стать героями!

– Эй... – окликнул я запутавшуюся дуру – Жрать хочешь?

– Да... – мигом замерла та – Хочу! Да!

В прорехе в брезенте мелькнули тусклые стариковские глаза, что проследили, как я уронил на смятую палатку пару пищевых кубиков.

– Все равно вам смерть! – спустя пару секунд проскрежетала старуха совсем уж нечеловеческим голосом.

– Как умерла твоя группа?

– Их сожрали.

– Зомби?

– Само собой, тупой доброс! Кто еще?! Всегда зомби!

– Как?

– Дай еще...

Я уронил еще один кубик. Высунувшаяся грязная пятерня жадно сгребла еду. Из дыры глухо и странно механически донеслось:

– Поднялись на пятый этаж второго корпуса. Оказались в тупике. Либо прыгать... либо биться... зомби за нами пришло столько, что они не помещались в коридоре! Лезли по головам! Сильные! Когтистые! Голодные! Мы забились в кладовке, забаррикадировались, но они выцарапали нас оттуда! Выковыряли как кровавую соплю из носа! Как мясо улитки из панциря! Вытянули и сожрали! А я... мы успели расширить вентиляцию. Меня пропихнули, засыпали кирпичом... я лежала и слышала, как жрут моих друзей! Сука! Я мечтала стать героем! Героем! Мы мечтали!

Она пыталась, но в ее изменившемся до неузнаваемости глухом голосе больше не было эмоций. Она звучала так будто из ее головы вытащили все чувства. Вытянули как кровавую соплю и безжалостно размазали подошвой по надписи «вот тебе сука гребаная реальность бытия».

– А когда я выбралась меня поймали...

– Зомби?! – ахнул Рэк – Хера себе!

– Идиот! – эмоции вернулись в ее голос. Надолго ли?

– Ты ж сама вякнула, сука – всегда зомби! И как они? Тебе зашло?

Секунда... другая... и... снова бесстрастное:

– Меня поймали будущие герои. Всей группой в пять рыл.

– И кто?

– Мерзкие рыла... мерзкие рыла... мерзкие рыла... ублю-
дочные мерзкие рыла... кислый запах пота... вонь из скаля-
щихся ртов, вонь из растянутых ширинок... вонь... вонь...

вонь! Вонь до слез! Вонь до слез!

Я зашагал дальше. А за нашими спинами все продолжала стенать безумная безымянная девка, что вряд ли когда-нибудь станет героиней.

– Ее бы добить, чтобы не мучилась – на полном серьезе предложила Джоранн – Я могу. Я добрая.

– Еще успеешь налакаться крови – ответил я, глядя на приближающуюся арку и стоящих около нее несколько кучек гоблинов – Бойцы. Строй сжать. Шагаем спокойно. Не дергаемся лишний раз – у входа новеньких точно задирать побоятся. Там система.

– Вертит башней – согласился орк – Хера себе хреновина...

И тут он не ошибся. На еще одной стальной колонне, стоящей сразу за аркой, высилась полусфера с приделанным к ней солидным таким дулом. Не то чтобы прямо огромный калибр, но попасть под такой выстрел даже по касательной я бы не хотел – человеку не пережить. Выглядит так, будто одним выстрелом можно вскрыть неплохую броню. И мне вдруг стало очень интересно против какого противника система поставила тут подобную пушку. Против матерых зомби? Ну разве что. Но насколько же матерыми они должны быть, чтобы их нельзя было завалить обычным оружием?

Еще пара десятков шагов и мы поравнялись с тройкой ленивых на вид парней, что расселись на сооруженной из кирпичей и палок скамейке и нагло пялились на нас, не скры-

вая интереса. Заметив, что орк недовольно заворочал шейю, коротко глянул на него и Рэк унялся. Мы не обменялись ни единым словом. Но уловленное мной ощущение – нам не рады. Как так? Почему не рады таким милым дружелюбным гоблинам?

– Будь дружелюбней, Рэк – буркнул я, когда парни уже не могли нас слышать – Улыбайся. Проявляй интерес и сочувствие.

– Кх-х-х... – вывалив язык, скривился орк.

– Чем шире твоя улыбка – тем легче приблизиться и воткнуть нож в шею – поддержала меня Джоранн.

До дуги арки оставалось всего ничего, как толпа из одиннадцати... нет, двенадцати рослых широкоплечих рыл раздалась в стороны и нам навстречу вышла одинокая женская фигура. Встала посреди дорожки, широко приветственно улыбнулась. Надо же... нас все же встречают. И женщина явно непростая. Ладно. Мирно поговорим...

Не успел я рта раскрыть, как громила орк сунулся вперед и с жалким, но широченным подобием сочувственной улыбки спросил:

– И тебя зомби трахнули? И как?

– А ты молодец – глубоко вздохнул я – Прямо вот сука молодец...

– Че ты вякнул, падла? – придя в себя от внезапного шока, спросил стоящий ближе всех к незнакомке бугай, сбрасывая с плеч защитного цвета плащ.

Гипертрофированные мощные руки, стальная кираса с высоким кольчужным воротником, голубые джинсы и оранжевые кроссовки.

– Кто тут падла, падла? – не остался в долгу Рэк, выпячивая нижнюю челюсть.

– Хватит! – это слово мы с незнакомкой произнесли одновременно и с одинаковой раздраженностью.

Тишина...

– Привет, Оди – снова улыбнулась черноволосая женщина. По ее щеке пробежала зеленая бабочка с красной окантовкой крыльев, вторая, торопливо махая крылышками, спускалась по шее, «утекая» в клиновидное глубокое декольте. Когда бабочка скрылась между грудей, не удержавшийся Рэк приподнялся на цыпочки в попытке проследить дальнейший хаотичный полет.

Меня же больше заинтересовали не сами порхающие бабочки, а то, что они порхали под кожей и представляли собой светящиеся живые рисунки. Еще одна бабочка – крохотная желтая, уселась на левую бровь незнакомки и устало сложила крылышки.

– У тебя тараканы под кожей – заметил я.

– А у тебя в душе и жопе – с милой улыбкой ответила она – И все то они скребутся и скребутся, не давая тебе покоя.

– А ты со своими живешь в мире?

– И согласи.

– Здоровые у тебя тараканы – заметил я, сместив взгляд

в сторону.

– И снова нарываешься на драку, да? – усмехнулась она – Осторожней. Вот ты ведь хотел все сделать мирно. Но стоило тебе нарваться на непонятности – и сразу из тебя поперла агрессия. Может в этом твоя беда?

– Ты знаешь мое имя.

– И не только его, гоблин Оди. Я знаю многое. И даже готова рассказать кое-что совершенно бесплатно. Интересно?

– Обо мне?

– И не только. Ведь я пифия Кассандра. Я вижу многое. Потому и вышла навстречу тебе, будущий герой Оди.

– Пифия? – переспросил я.

За Кассандру ответила Джоранн, что облокотилась плечом о призма и задумчиво выдала:

– Предсказательница. Но... разве любая женщина обладающей даром предсказания не считается ведьмой подлежащей сожжению?

– Поговорим? – пифия не обратила внимания на слова рыжей и смотрела только на меня спокойными карими глазами.

– Ты хотела что-то рассказать. Может заинтересуешь усталых путников?

– Легко. Скажешь стоп, когда надоест. Ты убил Троллса. Вы уничтожили логово людоедов и убили их предводителя Понта. Вы покинули темную родину и направились на свет. Вы родились на острове, где оставили часть себя и родились заново. Вы отправились в плавание на утлом плоту. А затем

в путешествие со сторожевым табором. И вот вы здесь – мечтающие стать героями, но успевшие совершить столько, что иным героям и не снилось.

– Стоп – сказал я – Мы поговорим. Есть чай?

– Ну конечно у меня есть чай – улыбнулась пифия – Не твой любимый сыроедский с безымянного для меня острова. Но очень похожий – с другого холодного острова. Добро пожаловать в Уголек. И чему ты так усмехаешься, гоблин Оди?

– Еще одна мудрая женщина на моем пути – ответил я, не убирая с лица усмешку – Каждый раз, когда это случается – кто-то умирает.

– Эй – вновь ожил бугай в кирасе и вновь был остановлен взмахом руки:

– Тише, Козгар, тише. Он не угрожает. И не лжет. Но... насколько я знаю вокруг тебя всегда кто-то умирает. Нет?

– Да – признал я, забрасывая игстрел за плечо – Где поить и кормить будешь, пифия Кассандра? И кто ты такая?

– Я? Я та, кто снова мечтает стать героем – широко-широко улыбнулась Кассандра и ее лицо пошло рябью от сонма заматавшихся под кожей бабочек – Все мы тут мечтаем об этом. Следуйте за мной, Оди, Рэк, Хван и Джоранн. С меня угощение. Как вы любите – много мяса, яичница, рыба, компот и отменный самогон. Ах да – и пара сигар для лидера Оди.

– Ты в первый раз выглядишь охеревшим, Оди – хмыкнул Рэк, делая первый шаг – Охереть... да?

– Да – кивнул я, шагая за удаляющейся пифией – Да.

Мы свободно миновали арку и вошли в Уголек – город, населенный теми, кто мечтает стать героями.

* * *

Шагая за Кассандрой, мы прошли мимо нескольких удивительно длинных приземистых зданий с плоскими крышами покрытыми дернами. Узкие подслеповатые окошки, кое-где решетки, редкие двери. Спроси меня – я бы сказал, что мы двигались по улочке образованной боками старых барачков. Первая же дверь была примечательна яркой красной надписью «Карантин!» и несколькими скамейками полными чего-то ожидающих гоблинов.

– Вы прибыли с табором. Карантин не нужен – не обобщаясь, пояснила пифия, мимоходом скользнув взглядом по сидящим на скамейке – Обычно новичков определяют на несколько часов сюда. И пока они парятся в гостевом доме, разглядывая скудный ассортимент, к ним сватаются наниматели.

– Вербуют в группы?

– Верно. Вербуют в боевые и рабочие группы. Ну и в социальный сектор.

– Раз уж экскурсия задалась – давайте чуть подробней, леди.

– Зачатки вежливости пробудились от холодного сна, го-

блин?

– Просто бабочка на твоей шее пялится на меня с таким укором...

– Оранжевая?

– Ага – подтвердил я, глядя на угнездившуюся на задней стороне шеи оранжевую бабочку, что была едва видна из-за перекинутой через плечо толстой черной косы. Спрятался мотылек и наблюдает...

– Софи такая... стеснительная, но любопытная. Не обращай внимания.

– Ты дала своим тараканам имена? – я протяжно присвистнул – М-да...

– Зато знаю им счет – звонко рассмеялась Кассандра – А ты своих пересчитал? А сколько тараканов у той рыжей? Этой Джоранн, что ты смотришь на моих бабочек?

– Их можно вырезать? Они в толще кожи? Если кожа умрет – умрут и бабочки?

– На все вопросы ответ один – да. Но если ты подойдешь ко мне с ножом, безумная красотка... лучше тебе этого не делать – предупредила Кассандра все тем же чуть насмешливым и спокойным голосом.

– Круто – мило улыбнулась рыжая – Круто...

– Насчет экскурсии. Что тебе интересно, гоблин?

– Все.

– Что ж... Гостевой дом во внешнем крае первого барака. С новичками долго разговаривают. Есть негласное правило –

рассказывать им все без прикрас про опасности Зомбилэнда, куда они однажды отправятся, если хотят стать героями. За этим следит правление Уголька – чтобы новичкам втолковали все максимально четко, не забывая упоминать про кровь, боль, рваное мясо, частые смерти и разбитые мечты. Благодаря этому примерно один из десяти новичков сразу уходит обратно в родную деревню. И по тому же негласному, но четко исполняющемуся правилу его проводят до Чистой Тропы и дадут пару пищевых кубиков. Традиция такая.

– Честно и даже чуток благородно – признал я.

– Трусов отсеивают – не согласился со мной Рэк – Че их провожать?

– Сюда редко кто приходит в одиночку – пояснила пифия – Впятером, вшестером, иногда под двадцать сбившихся во временную ораву добросов является от какого-нибудь городка. В одиночку они бродить не привыкли. Возвращаясь к вербовочным беседам – еще трое из десяти оказываются столь благоразумны, что соглашаются повременить с боями в Зомбилэнде и решают потрудиться в рабочих группах. Починка крыш и стен, уборка улиц, вынос мусора и прочее.

– Становятся низушками? – заинтересовался я, с любопытностью деревенщины крутя головой по сторонам.

Баракы не кончались. Каждое здание метров тридцать в длину. Идут длинными рядами. Вытянуты от Зомбилэнда к берегу. Мы шагаем по жилой зоне. Но только что прошли мимо глубокой ниши в стене, что была переоборудована под

самый настоящий магазинчик. Частные торговцы. Давно не встречались – кажется со времен паучьего замка. Таращиться я таращился, но к словам пифии прислушивался внимательно и ответа ее не пропустил:

– Касты низушков в этом городе нет – ответила Кассандра и, впервые обернувшись, пояснила – Эту дурь выколачивают из пришлых добросов быстро. К работягам – и плевать насколько грязную работу они выполняют – относятся с уважением. Не будь их – Уголек превратится в зловонную клоаку. Так уже было раньше, как говорят старожилы. И все дерьмо случилось из-за презрительного отношения к чистильщикам. Типа – мы зомби валим, а вы сортиры опорожняете и потому – пшли нахер. Они и ушли. И герои быстро оказались по горло в дерьмище. И взгляды на работяг тут же полярно поменялись...

– Мне начинает нравиться этот городок – хмыкнул я.

– В черте города спокойно – кивнула Кассандра.

– Зато по пути грабители и убийцы.

– Встретились?

– Встретились.

– Разошлись спокойно?

– Разошлись спокойно – подтвердил я – У меня даже пульс не участился.

– Ну хорошо, что обошлось – кивнула Кассандра – Видимо сразу почувствовали в вас хищников. Это отребье трусливо и нападает только на слабых. Стараются запугать, угро-

жают оружием, но не убивают – боятся гнева Матери.

– Во дают.

– Но вы показали им силу характера и спокойствие духа?

– О да – кивнул я – Еще как. А что дальше с новичками?

– Ах да. Ну и в среднем не менее шести из десяти не слушают увещаний и предупреждений. Рвутся в Зомбилэнд мечтая уже сегодня стать героями. Тупые торопыги. Вот вы...

– Уже сегодня заглянем в Зомбилэнд – спокойно улыбнулся я.

Кассандра чуть сбилась с шага, коротко глянула на меня, поперек ее левой щеки медленно летела алая бабочка:

– Ты меня не слушаешь, гоблин Оди?

– Слушаю. И внимательно.

– Надо присмотреться. Я ведь не договорила про тех шестерых.

– А что с ними?

– Опять же если в среднем – трое из шести погибают в первой же стычке с тварями. Еще двое остаются калеками в той или иной степени и после того, как чуть подлечатся, либо остаются в рабочих группах, либо уходят в родные края. Там у них больше шансов заработать на то, чтобы добрая Мать пришила им обратно утерянные конечности или же вставила новые органы. И лишь один из шести, а получается один из десяти, переживает первый бой и потом, уже более опытный, идет во вторую схватку. И так потихоньку встает на путь

становления героем – но тоже не без ран! Это глупый путь! А вот те трое, что согласились сначала присмотреться и обжиться – они как правило выживают и рано или поздно становятся героями. Так поступила я сама, когда прибыли сюда. Этим же путем прошли все бойцы из моего сквада.

– Твоего чего?

– Сквада. Тактического отряда в десять бойцов. Не слышал?

– Группа, отряд, бригада – пожал я плечами – Сквад. Есть разница?

– Нет. Но по ту сторону Чистой Тропы, ближе к Землям Завета, все используют слово сквад.

– Почему?

– Эльфы знают. Может, потому что звучит круто? Группа – кучка из пяти рыл. Все что дальше – неполный сквад. Десять бойцов – сквад. Что с твоим лицом, гоблин? Харю перекосило как при мозговом спазме.

– Группы, сквады, обжиться, приглядеться, набраться опыта, пережить первый бой, второй, третий, подлечиться, изучить правила городка и общины...

– Все верно.

– Удиви-ка меня всеведущая пифия Кассандра – как много времени надо, чтобы стать героем на здешней бойне?

– Только дошло? – сверкнула насмешливой улыбкой пифия – Решил, что заскочите сюда на денек или два максимум, покровсаете десяток зомби, получили заветный статус

героев и в ритме веселой чечетки свалите в закат? Так?

– Ага – с готовностью кивнул я – Именно этот вариант нам и нужен.

– Не выйдет! – отрезала пифия, дополнив слова рубящим жестом руки – Не все так просто и быстро! А для некоторых крайне сложно и крайне медленно – для таких как я, к примеру. А вот тут у нас бордель.

– О-о-о... – ожил Рэк – Командир... может я там перекушу?

– А деньги есть? – поинтересовался я.

Вспомнив наши финансовые дела, орк сник.

– Я угощаю – царственно махнула рукой Кассандра и тут же глянула на меня – Если ты не против.

– Беги навстречу траху – повернулся я к орку – Но сначала навести оружейный торгмат. Стоп... отмена. Прячь в рюкзак и никому не отдавай. Вдруг получится выкупить сразу после сдачи? Но на это нужны сэбы.

Покосившись на лежащий на сгибе руки грязный игстрел Рэк кивнул.

– Понял, командир!

– И чтобы никаких проблем! – я повысил уровень жесткости в голосе и уже отдалившийся орк на мгновение замер, потом коротко кивнул и продолжил целеустремленное движение навстречу плотским удовольствиям.

– Мы на центральной и единственной улице – пифия вернулась к экскурсии и даже в голос добавила усталой моно-

тонности опытного экскурсовода – Направо и прямо – увидите два бетонных куба в конце улицы. В их стенах торгматты и медблоки. Налево и прямо – то же самое. Просто прямо – снова окажемся у городской стены и выходной арки. Все торговое, бордельное и трактирное – здесь на центральной. Ее называют Жильной. Не спрашивайте – не знаю почему. Сам Уголек – что-то вроде давным-давно построенного капитального военизированного лагеря. Но это только мое личное впечатление. Весь этот четкий порядок одинаковых зданий, эти узкие окна-бойницы и толстенные стены... крыши – могучие железобетонные плиты. Двери стальные, на каждой по засову и дополнительные штыри в стены и пол вставляются. В общем – в каждом здании можно спокойно держать оборону до тех пор, пока есть вода и припасы. Все еще интересно?

– Да – коротко ответил я.

– Ну тогда... если свернуть по Жильной направо и дойти до конца, окажетесь на берегу. Там начинается жилая платформа, туда же вместились несколько вполне сносных заведений. Там основная зона размещения жилых капсул. Еще несколько жилых капсульных блоков разбросаны в окраинных бараках. Но большая часть бараков похожа на казармы. Каждый барак, кстати, имеет три входа и перегороден стенами на три отдельных блока. Обычно удачливые сквады выкупают себе такой вот закуток – частично под казарму, частично под хранилище. Но я предпочитаю спать в стальной

капсуле. И вещи там же храню. Так спокойней. И не воняет чужими потными лапами.

Поморщившись, Джоранн задумчиво глянула в сторону высокой крытой платформы, где находились заветные жилые капсулы без опции «чужие потные лапы».

– Налево и до конца – упретесь в шлюз Зомбилэнда. Квадратный тамбур с двух сторон снабженный стальными толстенными створками. Оплатите проход – двери откроются и пропустят в тамбур, двери закроются. Включится отсчет от десяти до нуля – и вторые створки разойдутся. Добро пожаловать в Тихие Буки – старая добрая лечебница для не самых здоровых добросов...

– Вход в Зомбилэнд... платный?

– А ты как думал? Само название не подсказывает? Там же полно забойных улетных аттракционов – грех не заплатить, чтобы прокатиться. Но я думаю это как бы доказательство серьезности намерений и оплата за работу дверных механизмов. Цена входа – сто сэбов.

– Ого...

– Сквады скидываются. В тамбур легко помещается до пятидесяти вооружённых и снаряженных рыл с рюкзаками и прочим добром. Итого пять сквадов. С каждого отряда по двадцатке – не так уж и много.

– Понял.

– Проблемы с финансами?

– Ничего нерешаемого.

– Ну-ну. Что еще не рассказала? Разве только про Отстойник. С той же стороны Уголька откуда мы вошли, но ближе в сторону моря есть два здоровенных здания.

– Видел. Бетонные мощные постройки. К ним ведет бетонка.

– Ага. Отстойник бродосов. Там они отдыхают и чинятся перед тем, как двинуться обратно по Чистой Тропе.

– Получается здесь Тропа обрывается? У стены Уголька?

– Табор не пройдет – согласилась Кассандра – Но те, кто идут по Тропе пешком или на легком транспорте могут пройти Уголек насквозь и снова выйти на Тропу. Так что дорожка скорее сужается, а не прерывается.

– Понял. Постройки на самом деле выстроены странно-ва-то.

– Да. Это первое что бросилось мне в глаза, когда попала сюда первый раз. Разметку Уголька будто машина делала. Но в принципе удобно. И не заблудишься. Так что, гости? Где обедать будем? Там, где я все подготовила или есть особые пожелания?

– А какие варианты? – поинтересовался я.

– Где сладким угощают? – не выдержал призм.

– Мясо с кровью – добавила Джоранн.

– Хм... Зная ваш боевой путь, гоблины, я все приготовила вон там – вытянув руку Кассандра указала налево и вверх, ткнув в сторону Зомбилэнда – Но можно и на платформе – приятный морской ветерок, прыгают рыбки, резвятся траха-

ные тунцы. Меню там и там сделаю любим.

– Обед в Зомбилэнде? – уточнил я.

– Почти. Внутри стены у самой вершины. С окнами, выходящими на Тихие Буки. Окна закрыты бронированным стеклом, так что освежающего ветерка не дождетесь. Зато можно наслаждаться ростбифом и одновременно глядеть, как очередному неудачнику злые зомби вырывают кишки. Ну и территорию поймете – а вам там воевать.

– Туда! – мы с Джоранн сказали это хором. Хван промолчал – он провожал недобрым взглядом весело шагающего куда-то мужика страстно нализывающего мороженое на палочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.